

Очаруй меня

Автор:

Джоанна Линдсей

Очаруй меня

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа

Бесконечные распри между семьями Уитворт и Вулф вывели из себя даже легкомысленного принца-регента. Он приказал враждующим семьям прекратить ссору и породниться, обвенчав Брук Уитворт, дочь графа, со злейшим недругом ее старшего брата Роберта – Домиником Вулфом.

Коварный Роберт уже придумал, как использовать этот план в своих целях, ведь если Доминик отвергнет нежеланную невесту, то будет подвергнут опале, отлучению от двора и, возможно, даже изгнанию. Однако юная Брук нарушает его хитрые замыслы, неожиданно и страстно влюбившись в Доминика. И девушка готова на все, чтобы пробудить в сердце «жениха поневоле» ответные чувства...

Джоанна Линдсей

Очаруй меня

Johanna Lindsey

MAKE ME LOVE YOU

© Johanna Lindsey, 2016

© Перевод. Т.А. Перцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Это невыносимо! Как смеет это распутное ничтожество, жалкая пародия на королевского наследника предьявлять ультиматум Уитвортам?!

Хотя Томас Уитворт стремительно старел и был на двадцать пять лет старше жены, все же его лицо почти не поддавалось воздействию времени. Правда, волосы его стали снежно-белыми, но о каких-либо глубоких морщинах и речи не шло. Пусть он был стар и мучился от боли в суставах, тем не менее вполне еще мог считаться красивым. Непомерная гордость и природное упрямство не позволяли ему выказывать боль, особенно в присутствии посторонних, хотя для этого требовалась вся сила воли.

– Но теперь он регент! Официально назначенный! Англия и ее подданные отныне в его власти, – напомнила Харриет Уитворт, ломая руки. – И не так громко, Томас, пожалуйста! Его посланник еще даже из дома не успел выйти!

Зато успел уже выйти из комнаты. Поэтому Томас позволил себе с облегченным вздохом рухнуть на диван.

– Воображаешь, будто мне есть дело до того, что он может услышать? – прорычал Томас. – Пусть радуется, что я не пнул его коленом под зад, чтобы помочь вылететь из чертовой комнаты.

Харриет поспешила к двери гостиной и на всякий случай плотно ее прикрыла, а затем повернулась к мужу и прошептала:

– Если даже и так, не хотим же мы, чтобы принц-регент узнал наше мнение о нем!

Она вышла за Томаса, графа Тамдона, самого завидного жениха того времени, будучи совсем молодой, и даже в сорок три года все еще по праву считалась красавицей. До сих пор Харриет могла похвастаться роскошными светлыми волосами и несравненными прозрачно-голубыми глазами. Она думала, что сможет полюбить мужа, которого ей выбрали родители, но он ничем не поощрял ее стремлений, так что взаимные чувства супругов никак нельзя было назвать пылкими. Томас обладал неуступчивым и жестким характером, но она уже научилась жить с мужем, не становясь жертвой его ярости, мало того, умудрялась никогда не становиться ее причиной.

И, к сожалению, стала такой же жестокой и бесчувственной, как и он, и считала, что никогда не простит мужа за то, что превратил ее в копию самого себя. Но он, по крайней мере, пренебрежительно не отмахивался от ее советов, а иногда даже соглашался и принимал ее предложения. Учитывая то, каким человеком был Томас, это говорило о многом, так что, возможно, все-таки она была ему небезразлична, хотя он никогда этого не показывал. Впрочем, теперь Харриет уже и не нуждалась в его тепле и привязанности. Откровенно говоря, она втайне желала его смерти, чтобы вновь обрести свободу и быть собой... если только это возможно после всего пережитого. Но Томас Уитворт был слишком упрям, даже чтобы хотя бы умереть вовремя.

Она принесла ему плед, укрыла колени и попыталась обмотать вокруг ног, но он оттолкнул ее руки и все сделал сам. Лето почти пришло, но даже в жару, когда другие потели, Томаса трясло от холода. Он ненавидел свою немощь и ноющие суставы. По большей части он заводил скандалы только потому, что постоянно злился из-за своего бессилия. Как обидно, что он уже не так молод и энергичен, как раньше! Но сегодняшний взрыв ярости был из-за принца-регента.

– Какая невероятная наглость! – продолжал бушевать Томас. – Полагаешь, он не знает, что о нем думает народ? Гедонист, не интересующийся политикой, поглощенный только удовольствиями, которые способен доставить его положение! Он наверняка просто замыслил конфисковать наше богатство, поскольку, как обычно, из-за своей расточительности залез в долги, а парламент отказывается их платить!

– Я в этом не столь уж уверена, – покачала головой Харриет. – Одну дуэль, несмотря на запрет, можно проигнорировать. Об этом упоминал посланник. Две дуэли могут вызвать недовольно поднятые брови, но все же и на это иногда

закрывают глаза, поскольку никто пока не умер. Но последняя дуэль Роберта с этим северным волком вызвала слишком много шума, а позже и скандал. И виноват наш сын. Он должен был уклониться от дуэли.

- И заработать клеймо труса? Конечно, он не мог уклониться! По крайней мере, на этот раз он едва не убил Доминика Вулфа. Ублюдок, конечно, еще может умереть от раны, и тогда его жестокая вендетта и наглый план регента содрать с нас деньги провалятся.

- Думаешь, принц Георг блефует? Что ничего не сделает, если мы не заключим мир с лордом Вулфом, как он того требует? Боюсь, что нет. Одна дуэль - во имя чести, но три - явное покушение на убийство, а кроме того, люди слишком громко протестуют против дуэлей, и очень многие в этом случае поддержат регента. Может, мы покончим с этой враждой, или ты хочешь увидеть, как твой сын снова будет рисковать жизнью? Должна ли я тебе напомнить, что он уже трижды был ранен на этих дуэлях?

- Мне не нужно напоминать об этом, жена. Но принц-регент так же безумен, как его отец, если воображает, что брак между нашими семьями закончит давнюю распрю и умаслит Доминика. Волк скорее загрызет твою дочь, если его вынудят жениться и уложить ее в постель.

Харриет поджала губы. Ее всегда бесило, что муж неизменно говорит о Брук «твоя дочь». Не «наша дочь». И так было с того дня, как Брук родилась. Томас бросил взгляд на свою прекрасную дочь и с презрительным рычаньем отвернулся. Он желал сыновей. Много сыновей. Не писклявых девчонок. Но ничего не поделатъ, Харриет сумела дать ему только двоих детей. Остальные пять беременностей ей не удалось доносить.

Но теперь она сказала то, что, по ее мнению, он хотел услышать, сказала так же безжалостно, как сказал бы на ее месте он сам:

- Лучше она, чем Роберт. Роберт твой наследник, а Брук в этом доме - всего лишь еще один рот, который нужно кормить.

Наследник Уитвортов выбрал именно этот момент, чтобы войти в гостиную. И, очевидно, услышал последнюю фразу.

– Отошли ее немедленно, – скучающим тоном посоветовал он. – Волк не примет ее. И тогда он потеряет земли и титул, в то время как мы выполним коварное требование регента заключить «союз».

Чего-то в этом роде Харриет и ожидала от сына, никогда не питавшего любви к сестре. Он был копией своего отца: такой же невысокий, но и такой же сильный и красивый, каким когда-то был Томас. К сожалению, Роберта сложно было назвать совершенством, но мать любила сына, несмотря на его недостатки.

У обоих детей были черные волосы Томаса и его светло-зеленые глаза. Ростом и фигурой Брук пошла в мать, девушка была даже на несколько дюймов выше Харриет.

О недостатках Роберта можно сказать, что он, к сожалению, был таким же гедонистом, как и принц-регент, и в свои двадцать три года уже завел несколько любовниц дома, в Лестершире, и в Лондоне. Но, честно говоря, когда он хотел чего-то добиться, он умел быть обаятельным. В остальное время характером он напоминал отца и презирал всех: и равных себе, и слуг.

Томас был так взбешен визитом посланника принца-регента, что не позволил Роберту с обычным его высокомерием отмахнуться от происходящего.

– Если бы ты по собственной вине не влип в такую же ситуацию, как прошлогодняя, если бы не нарушил слова...

– Я не нарушал, – поспешно вставил Роберт.

– Ты назвал эти дуэли пустяком, но решимость Вулфа получить сатисфакцию говорит о серьезности его намерений, что пустяком не назовешь. Какой дьявол подтолкнул тебя снова полезть на рожон?

– Ничего подобного! Я встречался с ним в Лондоне всего несколько раз и клянусь, он не объяснил, по какой причине желает моей смерти. Полагаю, это ревность или какое-то оскорбление, которое я, сам того не заметив, ему нанес. Он ведет себя просто абсурдно, не желая объяснить, что именно ему не нравится.

- В таком случае у тебя есть все причины отказываться от этих дуэлей.

- Думаешь, я не пытался? Он назвал меня лгуном. Не мог же я игнорировать подобные вещи, не так ли?

Харриет хорошо знала сына. Он был склонен замалчивать правду, если эта правда была не в его пользу. Но Томас верил сыну. Еще бы не верить! И он был не намерен наказывать своего драгоценного отпрыска!

- Ты знал об этом возмутительном требовании принца? - немного успокоившись, спросил Томас.

- Меня предупредили, что Георг может на это пойти, поэтому я и вернулся из Лондона. Он принимает idiotские советы своих прихлебателей, которые стонут, утверждая, что его кошелек по-прежнему туго завязан. Регент надеется, что мы не обратим внимания на его смехотворные предположения о том, что этот глупый союз положит конец насилию. Надеется, что сможет выполнить свою угрозу. Полагаю, вы не станете угождать ему подобным образом.

- Так ты считаешь, что он не блефует?

- К сожалению, нет. Наполеон в Европе убивает достаточно много англичан. Советники регента считают, что если английские аристократы тоже начнут убивать друг друга, это плохо повлияет на настроение людей. Поэтому принц делает все, чтобы подобные утверждения разделял каждый и всякий. И если он начнет грозить нам королевским молотом, чтобы наказать за неповиновение, он получит надежную поддержку.

Томас со вздохом глянул на жену.

- Где девчонка? Полагаю, нужно ей сообщить, что она выходит замуж.

Глава 2

Теперь они будут ее искать!

Брук резко поднялась со своего места под окном гостиной, где все это время просидела на корточках, и ринулась в конюшню.

Она слышала все, даже то, что сказал родителям посланник регента. Брук как раз шла к конюшне, когда к воротам подъехал модный экипаж. Ее разобрало любопытство, и она решила остаться и узнать причину приезда незнакомца. Дома не принимали гостей – только когда приезжали в Лондон. Так что в графстве у них почти не было друзей. А Брук никогда ничего не рассказывали, поэтому подслушивать вошло у нее в привычку.

Сначала Брук будут искать в ее комнате, затем в оранжерее и только потом в конюшне. Во всех трех убежищах.

Но пока что она не хотела, чтобы ее нашли, поэтому даже не остановилась посмотреть, заживает ли вывихнутая правая передняя нога жеребца и не погладила новорожденного жеребенка. Она просто приказала мальчишке-помощнику поскорее оседлать Ребел[1 - Rebel – мятежный, непокорный (англ.). – Примеч. ред.] – ее лошадь. Брук назвала лошадь так, потому что сама была мятежницей, во всяком случае, в душе. Презирала жизнь, которую вела, и мечтала ее изменить. Конечно, это было невозможно, и Брук, в конце концов, была вынуждена смириться.

Она не стала ждать конюха, который ушел на обед. Ему вовсе необязательно сопровождать ее, потому что Брук разрешено ездить исключительно по землям Уитвортов. Правда, земли эти были обширными. Их четверть занимала большая овечья ферма – основа богатства Уитвортов, многие годы торгующих овечьей шерстью. Конечно, никто из семьи понятия не имел, как стричь овец. Остальная земля либо пустовала, либо заросла лесом. И по пустошам, и по лесу можно было мчаться галопом, а это было именно то, в чем Брук сегодня нуждалась. Прежде чем родители сообщат ей «новости», ей требовалось достаточно времени, чтобы осознать все, только что подслушанное.

Первой ее реакцией было крайнее недовольство Робертом, дуэль которого будет стоить ей давно обещанного лондонского сезона. На почве подготовки к этой поездке она даже сблизилась с матерью. А Брук не так уж часто ее видела. Не зная она мать лучше, подумала бы, что та предвкушает путешествие в Лондон.

Скоро Брук предстояло сложить вещи и уехать отсюда. Ей уже купили сундуки и сшили новый гардероб. Харриет устраивала дочери сезон в Лондоне вовсе не из любви к ней. Просто этого ожидало от родителей девушки общество, а мать всегда делала то, что от нее ожидало общество. И Брук никогда не ждала чего-либо с таким нетерпением, как этой обещанной поездки. Вот тебе и обещания!

И тут на нее нахлынул страх. Ей придется выйти замуж за абсолютно незнакомого человека!

Но пока они с Ребел летели по лугу, она поняла, что подобная перемена планов может быть своего рода благословением, потому что это самый быстрый и надежный способ убраться подальше от этой семейки. Брук волновалась, что, приехав в Лондон, окажется не на своем месте, потому что практически не обладает никакими умениями, необходимыми леди, и поэтому ни одному мужчине не захочется на ней жениться. Теперь эти тревоги исчезли.

И хотя разочарование и страх по-прежнему оставались, все же ей с трудом удавалось сдержать улыбку. Губы помимо ее воли так и растягивались в стороны... Она никогда прежде не испытывала столь противоречивых эмоций, но похоже, страх перед человеком, который «вполне возможно, убьет ее, как только затащит в постель», и перспектива жизни вдалеке отсюда не могли затмить радости от мысли, что она навсегда оставит дом.

Конечно, она предпочла бы не быть брошенной в пасть волка, но любая судьба лучше, чем жить в семье, где ее не любили.

Доскакав до леса, Брук придержала лошадь и направила ее по хорошо знакомой тропинке. Именно этой дорожкой они с горничной Алфридой ходили за травами. В своих бесчисленных путешествиях в самую глубину леса они сами протоптали тропу.

На маленькой залитой солнечным светом полянке Брук спешила и посмотрела на небо. Криком выплеснула ярость, потом выплакала страх и наконец рассмеялась от облегчения. Наконец-то она вырвется из-под власти бессердечных родных.

Боже, она не станет скучать по дому и этим людям... кроме слуг, конечно. Элис, горничная, убирающая наверху, подарила ей к сезону коробку вышитых вручную

лент. Брук рыдала, поняв, сколько времени и любви вложено в этот труд. А кухарка Мэри, которая при встрече всегда ее обнимала и совала в руку пирожок! Или Уильям, конюх, который из кожи вон лез, чтобы рассмешить Брук, часто впадавшую в мрачное настроение. Но она будет безутешна, если вместе с ней в Йоркшир не сможет поехать ее горничная. Слишком сильно будет тосковать по Алфриде Уичвей, которая была вместе с Брук с первых дней ее жизни. У Харриет почти сразу же пропало молоко, и Алфрида, недавно потерявшая ребенка, сначала стала кормилицей, а потом и горничной Брук. Эта тридцатитрехлетняя женщина с темными, как ночь, глазами и волосами стала ей настоящей матерью, куда более родной, чем Харриет. А также лучшим другом. Грубоватая, властная, иногда возмутительно резкая, Алфрида ни в малейшей степени не была услужливой, мало того, считала себя ровней всем окружающим. Причина, по которой Брук проводила так много времени, ухаживая за растениями в оранжерее, была проста: Алфрида желала иметь все необходимые ей травы, причем круглый год.

Обитатели деревни Тамдон полагались на Алфриду, лечившую их болезни. Они приходили на кухню и передавали свои просьбы судомойкам, а уж те шли к Алфриде, которая отдавала им свои травяные отвары и настои в обмен на монетку. Алфрида помогала людям так долго, что Брук считала, что она уже успела изрядно разбогатеть. Хотя люди называли ее не знахаркой, а ведьмой, все же они выпрашивали ее зелья. Алфрида держала свое искусство целительницы втайне от семьи Брук, опасаясь, что ее обвинят в колдовстве и выкинут из дома.

– Обычно у тебя есть причины плакать и злиться, но почему ты смеешься? Что тебя так обрадовало, куколка? Поездка в Лондон?

Брук подбежала к выступившей из-за дерева Алфриде.

– Не в Лондон, но все равно поездка. Пойдем, расскажу довольно хорошую новость... в некотором роде.

– Довольно? – рассмеялась Алфрида. – Разве я не объясняла тебе опасность противоречий?

– Тут ничего нельзя поделать. Меня отдают в жены врагу моего брата. Конечно, не добровольно, а по просьбе принца-регента.

Алфрида вскинула брови:

– Королевские особы не просят. Они требуют.

– Совершенно верно, и угрожают страшными последствиями, если их требованиям не подчинятся, – добавила Брук.

– Ты бы отказалась подчиниться?

– Не я. Мои родители. Но они решили не проверять, блефует ли регент, и спешно отослать меня к этому человеку. Роберт считает, что он от меня откажется, так что, возможно, никто не принудит меня за него выйти.

– Ты так и не сказала, что тебя так радует в этом плане, – проницательно заметила Алфрида.

– Если это означает расставание с семьей навеки, я выйду за него по своей воле. И в его пользу говорит уже то, что он трижды пытался убить моего братца. За это я готова его полюбить.

– Ты имеешь в виду те дуэли, о которых упоминали твои родители?

– Да.

– Для удовлетворения чести обычно бывает достаточно одной. Ты так и не узнала, из-за чего они дрались?

Брук улыбнулась, поскольку Алфрида хорошо знала о ее склонности подслушивать.

– Когда Роберт в последний раз приезжал домой, мать спрашивала об этом, но он отмахнулся, сказав, что это не стоящая внимания чепуха. Очевидно, там что-то серьезное, но когда отец сегодня спросил его, чем он вызвал такую ярость северного лорда, Роберт поклялся, что не знает. Но мы с тобой прекрасно понимаем, что он солгал.

Алфрида кивнула:

– По крайней мере, у вас с этим человеком, который будет твоим мужем, есть нечто общее. Хорошее начало.

– Да, мы оба уж точно не любим моего братца, но все же я не пыталась убить Роберта, как он жаловался в детстве, – упрямо сказала Брук. – Я действительно тогда поскользнулась и упала, пытаюсь обогнать его на лестнице, и нечаянно ткнулась в его спину. Я успела схватиться за перила, а он покатился вниз. Потом он заявил, что я нарочно его толкнула, а родители, как всегда, ему поверили. Поэтому, пока он не выздоровел, я сидела в запертой комнате. Но клянусь, он несколько лишних недель притворялся, будто вывихнутая нога не заживает, потому что знал, как я ненавижу сидеть за закрытыми дверями. Но мне все равно, что он думает. Он, как тебе известно, ненавидел меня задолго до того.

Алфрида обхватила Брук за плечи и крепко обняла.

– Будет просто прекрасно, если ты больше не увидишь этого противного мальчишку.

Брук включила бы в это утверждение и всех родных, но вслух ничего не сказала.

– Вероятно, я уеду в течение недели. Ты поедешь со мной? Пожалуйста, скажи, что поедешь!

– Ну конечно, поеду!

– В таком случае проведем день, пополняя твои запасы и выкапывая травы, которые можно пересадить. Неизвестно, сможем ли мы найти такие на севере.

– Где именно на севере?

– Не знаю. Пока что мне ничего не сказали. Я только...

– Да знаю я, как ты собираешь информацию, – со смехом перебила ее Алфрида.

Глава 3

Целый день она провела вместе с Алфридой за сбором ее любимых трав. Брук вернулась в дом уже на закате. Прежде чем присоединиться к родным, она намеревалась тихонько прокрасться в свою комнату, переодеться и поужинать. Маловероятно, что они выслали людей на ее поиски. Во всяком случае, никто и близко не подъехал к лесу. Вряд ли отец желает поговорить с ней немедленно. Вполне возможно, она услышит о будущем браке лишь в день отъезда, ведь родным абсолютно безразлична ее судьба.

Она поспешила по коридору и прошла мимо столовой, где, скорее всего, сидели за ужином родители и брат. Брук никогда не ела в этой комнате.

«Твой отец не любит напоминаний о том, что ты родилась девочкой, так что мы не будем обременять его твоим присутствием».

Она смутно помнила, когда мать сказала это впервые. К тому времени Брук уже достаточно подросла, чтобы выходить из детской. Это правило было одним из немногих добрых дел, сделанных для нее матерью, потому что в присутствии отца Брук полностью лишалась аппетита. Она любила есть на кухне со слугами, которые о ней заботились, а атмосфера там была самой дружеской. В кухне то и дело звучал смех. Эти люди любили ее, и будут плакать, когда она уедет. В отличие от родственников.

Она уже начала подниматься вверх, но тут третья ступенька скрипнула. Поскольку в столовой в этот момент царил тишина, скрип услышали.

– Девушка! – завопил отец.

Брук сжалась от его резкого тона, но послушно вошла в столовую и, склонив голову, встала в дверях. Она была покорной дочерью. По крайней мере, так считали они. Брук никогда не нарушала правила, разве что в тех случаях, когда была твердо уверена, что ее не поймут. Она никогда не спорила, не повышала голоса, не противилась приказу, как бы этого ни хотела. Брат называл ее серой мышкой. Отец давным-давно ясно дал понять, что желает ее только видеть, но не слышать. В детстве она еще пыталась проявить непокорность, но эти крохотные искорки мятежа подавлялись пощечинами или суровыми

наказаниями. Брук быстро научилась притворяться послушной, хотя в ее душе бушевала ярость.

– Неужели я так давно не видел тебя, сестрица, или ты настолько выросла за одну ночь? Теперь ты уж точно не похожа на мышку.

Она спокойно встретила взгляд Роберта. На него она вполне способна смотреть. Причем пристально. Брат не заслуживал ее уважения и никогда его не получит. Но ее сильно задевало то обстоятельство, что во всей этой ситуации виноват он и что ее собираются просто принести в жертву ради его спасения. Он наверняка натворил что-то кошмарное, в этом она не сомневалась. Недаром северный лорд так взбешен, что три раза подряд требовал дуэли!

– Я тоже не видела тебя несколько лет, так что, вполне возможно, ты прав в том, что это действительно долгий срок, – ответила она глухо. Лицо ее при этом оставалось абсолютно бесстрастным. Это дается так легко, когда овладеешь искусством обмана! Ее нелюбящая семья не подозревала, сколько боли причинила ей за все эти годы.

Хотя отец и позвал дочь в комнату, все же он не произнес еще ни слова. Возможно, он тоже был удивлен, увидев перед собой не маленькую девочку, которую изредка встречал в коридорах. Она намеренно старалась держаться от него подальше, что было совсем просто, если учесть размеры дома и распорядок отцовского дня. Подобно Роберту, Томас привык проводить много времени в Лондоне, но в последние годы его боли в суставах усилились. Харриет не всегда ездила с ним в столицу. Когда женщины оставались в доме одни, мать интересовалась Брук и даже разговаривала с ней. У них устанавливались вполне нормальные отношения. Поведение матери сбивало Брук с толку. Она предполагала, что когда Томаса и Роберта не было рядом, Харриет просто чувствовала себя одинокой, а может, немного не в себе, потому что как только Томас или Роберт возвращались, она начинала вести себя так, словно Брук не существовало.

Роберт встал и швырнул салфетку на тарелку.

– Поговорю с тобой позже. Для того, чтобы добиться успеха в этом предприятии, нужна определенная стратегия.

Он собирается ей помогать? Да она скорее обнимет ядовитого аспида, чем примет от брата предложение помощи!

Но поскольку еще никто не сказал, почему ее позвали в столовую, Брук промолчала и просто ждала, пока ей объявят вердикт.

Первой заговорила мать, объяснив все, что Брук уже знала. В обычной семье дочь уже сыпала бы вопросами, а может, и протестовала. Но не в этой семье и не Брук.

– Почему ты не сказала, что она уже достигла брачного возраста? – перебил жену Томас. – Мы могли бы договориться о помолвке по своему выбору, и тогда не попали бы в эту абсурдную ситуацию!

Брук про себя улыбнулась. Мать пыталась подготовить ее к замужеству, поскольку не желала, чтобы дочь опозорила семью, оказавшись полной дурочкой. Хотя Брук до сих пор и не возили в Лондон, у нее было множество учителей – верховой езды, музыки, танцев, иностранных языков и рисования, а также гувернантка, которая преподавала ей азы чтения, письма и арифметики. Никто никогда не хвалил ее за успехи, поскольку от девушки не ожидали, что она в чем-то преуспеет. Но все-таки она хорошо училась.

– Поскольку в следующем месяце ей исполнится восемнадцать, этим летом должен был состояться ее лондонский сезон, – пояснила Харриет. – И наверняка у нее было бы много предложений. Томас, ты просто забыл.

Отец что-то проворчал. Брук предположила, что он стал многое забывать. Томас был достаточно стар, чтобы быть ее дедом. При ходьбе он морщился от боли. Алфрида могла бы облегчить его муки своим травяным зельем, но, возможно, предложи она это, ее просто выкинули бы из дома. Брук тоже могла бы ему помочь. Поскольку ее постоянной спутницей была Алфрида, она тоже выучила полезные свойства целебных трав. Но помогать ей хотелось добрым, порядочным людям. Можно было, конечно, сделать это тайно, подливая зелье в отцовскую еду или питье, но она считала, что холодный, бессердечный старик заслуживает того, чем наградила его природа.

Харриет выжидала, пристально глядя на Брук. Та поняла, что мать ожидает ее реакции на упоминание о поездке в Лондон. Хотя она уже знала неприятный

ответ на вопрос, но все равно должна была спросить:

– Значит, лондонского сезона не будет?

– Нет, этот брак куда важнее. Слуги уже начали складывать твои вещи. Утром на рассвете ты уедешь в сопровождении эскорта и дуэньи.

– Вы поедете со мной?

– Нет, твой отец плохо себя чувствует, а если северный лорд снова увидит Роберта, возможно, он вызовет его на дуэль в четвертый раз, так что об этом не может быть и речи. Доминик Вулф происходит из богатой известной семьи, которая испокон веков живет в Йоркшире. Я встречала его мать в обществе, но не слишком хорошо с ней знакома. И никогда не видела ее сына. Он носит титул виконта Росдейла, но это все, что я знаю об этом воинственном человеке, потому что он предпочитает йоркширскую глушь лондонскому свету. Если он откажется от тебя, тем лучше. Топор упадет на его голову. И тогда ты сможешь вернуться домой, и наши планы не изменятся. Но ты сама ни в коем случае не должна ему отказывать. Все Уитворты решили подчиниться приказу принца-регента, чтобы никто не смел их осуждать.

– Виконт стоит ниже нас по положению, – проворчал Томас. – Но учти, девчонка, будет безумием, если ты откажешься выйти за волка. В этом случае я до конца твоей жизни запру тебя в сумасшедшем доме.

Брук находила невероятным тот факт, что она держит в руках будущее семьи, но отцовская угроза заставила ее дрогнуть. Она ни секунды не сомневалась, что если его титул и земли будут потеряны из-за непослушания дочери, он сделает именно так. Но замужество – это способ навеки убежать от них. Поэтому она ни за что не откажет лорду Вулфу.

Брук поклонилась и вышла из комнаты. Теперь она сможет свободно дышать. Завтра. Она и не думала, что уедет так скоро, но чем раньше, тем лучше.

– Заставь его полюбить тебя, сокровище. Заставь влюбиться безоглядно, и у тебя будет хорошая жизнь с этим человеком, – прошептала мать дочери, прежде чем та поднялась в экипаж.

Только через несколько часов Брук оправилась от потрясения. Мать назвала ее сокровищем и дала совет? Она удивилась, уже когда Харриет вышла во двор, чтобы ее проводить. Прошлой ночью мать послала в комнату Брук дворецкого, чтобы он передал ей деньги на поездку, а не пришла сама.

Если судить по напутственным словам матери, могло показаться, что Харриет любила дочь. Но вся жизнь Брук говорила о совершенно противоположном. Почему мать так непостоянна? Почему Брук видит другую сторону ее характера так редко?

Впрочем, Брук отнюдь не глупа. Если она очарует северного волка, тот оставит в покое дорогого сыночка Харриет и больше не станет пытаться его убить. В ее семье всегда был и будет один любимый ребенок и родители сделают все, чтобы его защитить. Даже солгут своей дочери насчет возможности очаровать будущего мужа, который ненавидит ее семью с такой же силой, с какой ненавидит она сама.

Ей подали фамильный экипаж с гербом на дверце. Вероятно, гордость родителей требовала, чтобы она прибыла в дом врага со всей пышностью. Помимо кучера эскортом служили два лакея. С утра Брук побежала в конюшню в последний раз повидаться с лошадьми и уведомить старшего конюха, что Ребел она берет с собой. Если ей не суждено сюда вернуться, на что она искренне надеялась, значит, она не оставит здесь никого и ничего, сколь-нибудь ей дорогого.

Большинство слуг вышло с ней попрощаться.

Она не думала, что станет плакать по этому месту, но заплакала по людям, с которыми выросла, по слугам, которые ее любили. Конюх Уильям даже подарил ей на память собственноручно вырезанную деревянную лошадку и сказал, что надеется, что фигурка похожа на Ребел. Фигурка не была похожа на Ребел, Уильяма нельзя было назвать искусным резчиком, но Брук все равно будет бережно ее хранить.

Сопровождавшим ее слугам был дан строгий приказ привезти Брук назад, если волк не впустит ее в свое логово. В случае более благоприятного исхода все, кроме Алфриды, вернутся вместе с экипажем в Лестершир.

Брук надеялась, что ее пустят в дом. Надеялась, что сумеет найти в Доминике Вулфе то, за что сможет его полюбить, и что их свяжет не только общая неприязнь к ее брату. Но вполне возможно, что ничего она не найдет, а еще более вероятно, что даже через порог его дома не переступит.

Посланник регента сначала приехал к Уитвортам. От Лестершира до дома лорда Вулфа вблизи Йорка экипажем ехать дня три-четыре. Человек регента выехал всего на день раньше Брук, а это означает, что лорд Вулф все еще находится в блаженном неведении о происходящем. Если он придет в бешенство, когда ему все расскажут, что будет справедливо, лучше бы ему иметь более одного дня, чтобы как-то успокоиться до ее прибытия.

Для семьи было бы вполне логичным подождать, пока не станет известна реакция Вулфа на требование регента, прежде чем посылать ее на север. Их поспешный поступок говорил о страхе. Пусть они рвали и метали, но никогда не стали бы проверять, блефует ли регент. Последствия такой выходки были бы необратимы.

Какой же подлец ее брат! Когда он вчера вечером явился в ее комнату, его глаза расчетливо блестели, она сразу поняла, что «стратегия», о которой он упоминал в столовой, вряд ли ей понравится.

– Выходи за него, а потом отрави, – просто предложил он. – Мы можем предъявить права на половину его земель, а то и на все, если у него нет других родственников. Я знаю, что у него была сестра, но она умерла, а больше о Доминике Вулфе ничего не известно.

– А что, если он мне понравится? – бросила Брук.

Такое бывает. Она не надеялась на это, но все же подобное случается.

– Не понравится. Ты будешь верна своей семье и не станешь к нему испытывать ничего, кроме презрения.

Дело действительно вполне может кончиться тем, что она воспылает презрением к Доминику Вулфу. Но уж точно не из преданности семье.

Однако вслух она этого не сказала. И постаралась держать при себе мнение о предложении Роберта. Она знала, что брат человек злобный, гадкий и жестокий. Но убийство?

И все же он так красив! У него столько преимуществ, и к тому же он наследник графа. Его поступкам и деяниям не было оправдания, кроме одного: он истинный сын своего отца. Каков отец, таков и сын – никогда еще эта поговорка не была так правдива.

Она отказывалась думать о его гнусном предложении, но все же спросила:

– Что ты такого сделал Доминику Вулфу, что он вызвал тебя трижды?

– Ничего, что могло вызвать такую настойчивость, – фыркнул Роберт. – Но ты не сбрасывай нас со счетов, сестрица. Мы не хотим видеть его нашим родственником. Его смерть снимет все требования принца-регента к семье Уитвортов.

Брук указала ему на дверь. Он ответил таким злобным взглядом, что она на миг испугалась: вдруг, чтобы ее убедить, ему вздумается пустить в ход кулаки. Он не один раз проделывал нечто подобное.

Но Роберт все еще строил планы, и поэтому сказал на прощанье:

– Став вдовой, ты получишь свободу, больше свободы, чем могут тебе дать семья или муж. Помни это, сестра.

Ее заветная мечта! Но Брук не осуществит ее ценой, предложенной братом. И все же она потеряла шанс узнать больше о человеке, к которому ее посылают. Роберт знал его и мог что-то рассказать, но промолчал. Она едва не задала ему вопрос, прежде чем за ним закрылась дверь, но вовремя вспомнила, что в жизни ни о чем его не спрашивала, и сейчас начинать не стоит.

Какой абсурд! Единственное, что она знает о лорде Вулфе, – то, что он хочет смерти ее брата. Она понятия не имеет, молод он или стар, уродлив или красив, калека или здоров. Возможно, он так же холоден и жесток, как члены ее семьи. Он может быть уже обручен, может быть влюблен... Как ужасно думать, что его жизнь будет перевернута только потому, что он желал справедливости – справедливости, которую, очевидно, не мог получить в суде. Ей уже было его жаль.

Когда днем экипаж остановился на обед, оказалось, что они уже отъехали от Уитворта дальше, чем когда-либо приходилось бывать Брук. К вечеру они окажутся за границей Лестершира! Поездка в Лондон должна была стать ее первым путешествием, и Брук впервые выехала бы за пределы графства.

Брук бывала в Лестере и других городах вокруг него, но все это были короткие посещения, не предполагавшие ночевку вдали от дома. Поэтому Брук была полна решимости насладиться путешествием, несмотря на то что может случиться в его конце. Поэтому она почти весь день смотрела в окно на сельские пейзажи, которых раньше не видела.

Но все же не могла унять тревожные мысли. К концу дня она даже рассказала Алфриде о подлом предложении Роберта.

Горничная в ответ вскинула брови, хотя была ничуть не удивлена.

– Отравить, вот как? Да, этот парень всегда был трусом! Он попросил сделать это тебя, но сам бы никогда не решился.

– Но он дрался на дуэлях, – напомнила Брук. – Для этого нужна храбрость.

– Пфф! – фыркнула Алфрида. – Бьюсь об заклад, он выстрелил раньше команды. Спроси своего волка, когда встретитесь. Уверена, он подтвердит твою догадку.

– Он не мой волк и, возможно, не стоит называть его так лишь потому, что так называют его родители, – возразила Брук, хотя сама звала его волком.

– Но может, и тебе этого захочется.

- Называть его волком?

- Нет, отравить его.

- Прикуси язык, - ахнула Брук. - Я никогда бы...

- Не ты. Это сделаю я. Если он станет распускать руки, не позволю, чтобы ты страдала.

Несмотря на зловещую тему, Брук несколько утешилась, поняв, как далеко может зайти Алфрида, чтобы защитить ее от незнакомца, которому предстоит стать ее мужем.

Глава 5

Выехав на второй день на древнюю Грейт-Норт-роуд, ведущую до самой Шотландии, экипаж Уитвортов покатился куда быстрее. Хотя дорога была ухабистой, Растон, любимый кот Алфриды, лежащий на сиденье между женщинами, ничуть не страдал и довольно мурлыкал. Растона никогда не пускали в дом. Он жил на потолочных балках конюшни Уитвортов. Как ни странно, лошадей ничуть не беспокоило его присутствие. Алфрида приносила ему еду, да и конюхи его подкармливали. Так что Растон от такого ухода отяжелел и растолстел.

- Твой отец велел чертову кучеру поспешить, - проворчала Алфрида, когда ее потрянуло в третий раз. - Но это уж слишком. Вряд ли лорд Уитворт желает, чтобы ты прибыла в Йорк раньше посланника принца-регента. Когда сегодня остановимся на обед, предупреджу кучера, чтобы придержал лошадей. А на обратном пути пусть хоть галопом их пускает!

- Но это так весело! - усмехнулась Брук. - Я не возражаю против тряски.

- Сегодня вечером, когда все будет болеть, возразишь, - остерегла ее Алфрида. - Но я рада видеть твою улыбку. Знаешь, теперь ты можешь быть собой: смеяться, когда захочется. Плакать, когда будет угодно, даже вспылить

время от времени. Вдали от этого дома, который высасывал из тебя жизнь, ты больше не станешь сдерживаться, куколка.

- Предлагаешь, чтобы выбранный принцем жених увидел меня настоящей? - Брук подняла черную бровь.

- Но ты же можешь быть собой! Зачем притворяться?

- Я больше не знаю, какая я, - рассмеялась Брук.

- Конечно, знаешь. Со мной ты настоящая и всегда была.

- Но только с тобой и только потому, что ты была в том доме единственной, кто искренне меня любил.

- Твоя мать...

- Не защищай ее, - перебила Брук. - Она разговаривала со мной только по необходимости или когда отца и Роберта не было дома, а ей вздумывалось поболтать. И даже тогда она желала, чтобы я сидела и слушала, а не участвовала в разговоре.

Алфрида много раз пыталась убедить Брук, что Харриет ее любит. Иногда Брук думала, что это может быть правдой. Время от времени, когда никого не было рядом, мать улыбалась ей или стояла в дверях кабинета, наблюдая за тем, как дочь делает уроки. А однажды, когда Брук порезала руку, Харриет отодвинула Алфриду, чтобы самой перевязать рану. На тринадцатилетие она даже подарила дочери Ребел, самое дорогое, что было у девочки. Да, несколько раз Харриет вела себя по отношению к дочери как мать, но Брук знала, какой бывает настоящая любовь и как она выглядит. Она видела любовь в глазах Алфриды каждый раз, когда та на нее смотрела. И никогда не видела ее в глазах настоящей матери.

И все же она знала, что Харриет способна на любовь, и мать в избытке изливала ее на Роберта.

– В ней словно два разных человека, Фрида. По большей части холодная и безразличная, а в редких случаях добрая и любящая. Иногда я думала... но будь я собой в ее присутствии, могла бы пропустить момент, когда она вновь становилась ледяной глыбой, как мой отец. И тогда боль, которую она мне причиняла, стала бы в сотни раз хуже. Я не могу позволить себе надеяться. Но ты... я так часто мечтала, чтобы это ты была моей настоящей матерью!

– Не так часто, как мечтала я, чтобы ты была моей дочерью. Но ты дочь моего сердца, никогда в этом не сомневайся. – Алфрида смущенно откашлялась и добавила уже немного спокойнее: – Мы знаем, почему ты пряталась от своей ужасной семейки. Это было единственным способом уберечься от боли и унижения. Будем надеяться, что эти дни миновали навсегда.

– Как, по-твоему, что случится, если я не понравлюсь Доминику Вулфу и он отошлет меня домой? – не выдержала Брук.

– Ничего особенного. Ты, скорее всего, получишь обещанный лондонский сезон, а вскоре и другого мужа. Но если ты не понравишься лорду Вулфу, значит, с ним что-то не так.

– Но он ненавидит Роберта, а потому возненавидит и меня, – напомнила Брук.

– Значит, будет глупцом.

– Он и так может оказаться глупцом, – грустно вздохнула Брук. – Я знала, что рано или поздно придется выйти замуж, но ожидала по крайней мере ухаживаний.

– Как всякая девушка.

– Ну и, по крайней мере, рассчитывала лучше узнать мужа до того, как идти к алтарю.

– Тут слишком необычные обстоятельства. Но ты могла бы попросить, чтобы перед свадьбой был короткий период ухаживаний. Если твой волк хороший человек, он согласится.

– Или, как моя семья, может испугаться регента и сразу потащить меня к алтарю.

– Так чего тебе больше хочется? – усмехнулась Алфрида. – Чтобы тебя прогнали от двери или сразу женились?

– Я не узнаю, пока с ним не встречу, – снова вздохнула Брук. – Лучше бы ничего этого не случилось.

– Крепись, куколка! Этот северный лорд может быть прекрасным человеком, и тогда окажется, что принц-регент сделал тебе огромное одолжение.

– А вдруг Роберт причинил мне самое большое зло, какое только мог? – возразила Брук. – Наградил меня мужем, к которому я буду питать только отвращение?

Алфрида прищелкнула языком:

– В таком случае, возможно, не стоит гадать заранее?

– Возможно, нет.

На третий день путешествия, когда они остановились пообедать в гостинице, оказалось, что Доминика Вулфа здесь никто не знает. Зато они обнаружили, что посланник регента ехал так быстро, что, возможно, уже возвращается в Лондон. Очевидно, он скакал дни и ночи напролет, меняя при первой возможности лошадей и отдыхая в карете.

К вечеру они были всего в нескольких часах от поместья лорда Вулфа, но Алфрида отказалась гнать лошадей в темноте. Она желала, чтобы Брук освежилась утром и, когда волк впервые ее увидит, выглядела как можно лучше. Они остановились в гостинице, и Алфрида спустилась вниз, чтобы заказать ванну для Брук и ужин в номер. А вернулась с рассказом о семье Вулф.

– Тебе это не понравится, – буркнула она с кислым видом. – Можно подумать, у тебя без того мало тревог, так еще и над семьей, в которую тебе приказали войти, висит проклятие. Так что думаю, нам остается только надеяться, что тебя

не пустят в дом.

- Что за проклятие?

- Самое что ни на есть жуткое. Ему много сотен лет. Оно призвано убивать всех первенцев в каждом поколении, когда им исполняется двадцать пять лет. Если только раньше их не забирают болезнь или несчастный случай.

Округлив от изумления глаза, Брук прошептала:

- Ты шутишь, верно?

- Нет, всего лишь повторяю слова подавальщицы в баре, кухарки и одного из жителей деревни Вулфов, который навещал родственника неподалеку. Это все они мне рассказали.

- Но мы... то есть я не верю в проклятия. А ты?

- Не слишком. Беда в том, куколка, что очень многие верят, включая тех, кто считает себя проклятыми. Если тебе говорят, что ты должен умереть в определенном возрасте, ты становишься более небрежным и легкомысленным, не дорожишь жизнью, так что зло, обещанное проклятием, рано или поздно происходит. Но сомневаюсь, что наследники Вулфов просто падали мертвыми без всякой причины. Когда поближе познакомишься с волком, попроси объяснить.

- Обязательно. Очевидно, имеется какое-то простое объяснение, о котором семья не желает распространяться. Поэтому никто не позаботился положить конец слухам.

- Вне всякого сомнения.

- А может, по какой-то причине им нравится быть объектом этих слухов.

- Меня не нужно убеждать, куколка. Но меня беспокоит утверждение о древности проклятия. Это означает, что слухи ходят слишком долго и что первенцы действительно умирали на двадцать пятом году жизни, по крайней

мере несколько. Слишком много для одной семьи бед, вряд ли их можно списать на случайность.

Брук мрачно нахмурилась, но все же ей хотелось узнать, что еще слышала Алфрида о Вулфах.

– Может, что-то было сказано конкретно о Доминике?

– Он молод. Никто не сказал, сколько именно ему лет, но двадцати пяти еще нет.

– Так ты веришь в проклятия! – Брук закатила глаза.

– Нет, просто небольшое, но неудачное уточнение с моей стороны.

– Роберт упоминал, что сестра лорда Вулфа умерла. Так что сам волк может и не быть первенцем в этом поколении.

– Что было бы прекрасной новостью, верь мы в проклятия, но смерть никогда не бывает хорошей новостью. Он мог иметь и других братьев и сестер, о которых не упомянул Роберт.

– Или он последний в роду и полон решимости погибнуть на дуэли. Жаль, что мы так мало о нем знаем, – покачала головой Брук.

– Ходит еще один слух, еще более абсурдный. Говорят, он рыщет по лесам в облике настоящего волка. А его вой – тому доказательство.

Брук потрясенно раскрыла рот:

– Скажи, что это еще одно неудачное уточнение!

Алфрида широко улыбнулась:

– Нет, но ты знаешь, до какого абсурда способны разрастаться слухи. В конце концов они так далеко отходят от правды, что становятся не чем иным, как бабьими сказками.

– Ну, этот слух уж точно суеверный бред. Человек-волк? Может, у них и чудище в башне живет?

– Хм... не думаю, что меня что-то может удивить. Но раз эти слухи вообще начались, в семье Вулфа должно происходить что-то необычное.

– Разве волки в Англии не вывелись?

– Их нет.

– Но они существовали много веков назад, когда суеверные люди стали распространять эти слухи. – Брук кивнула, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

– Я не спорю с тобой, куколка. Однако если волков вывели, никто не поверит, что слышит настоящего волка. Все поверят в оборотня. Но если вой действительно раздается, нет никакого сомнения, что это бродячий пес.

– Что же, ты узнала о Вулфах больше, чем я хотела, – фыркнула Брук. – Думаю, я буду такой несговорчивой, что меня действительно прогонят от дверей его дома.

Глава 6

Доминик стоял у окна, наблюдая за экипажем, медленно двигавшимся по извилистой дороге вдали. Капли пота выступили на его лбу и увлажнили волосы. Тело ныло так, что трудно было понять, виновата ли в этом рана. Прошлой ночью его уведомили, что Уитворт остановился в гостинице, всего в нескольких часах езды. Прежде чем сообщение достигло его, оно прошло через четверых человек, так что непонятно было, кто из Уитвортов почтил его визитом. Он надеялся, что это приехал закончить дело Роберт Уитворт, но очень в этом сомневался. Человек, которого прислал принц Георг, заверил его, что Уитворты примут предложение регента. Предложение!

От выражений, в которых было передано это предложение, и последовавших за ним откровенных угроз до сих пор кипела кровь. При этом посланник регента был абсолютно бесстрастен. Ему, похоже, было все равно, как примут его слова и к каким несчастным последствиям они приведут. Он всего лишь выполнял свой долг.

Рядом с Домиником стоял и хмуро смотрел на него Гейбриел Бискейн. Он, в отличие от Доминика, не обратил внимания на экипаж. Не такой высокий, как Вулф, всего шести футов ростом, светловолосый и голубоглазый Гейбриел был больше, чем просто слуга, и часто пользовался преимуществами своего положения.

Виконт и сын дворецкого выросли вместе, в этом доме. Они были ровесниками и делили все детские забавы. И нет ничего удивительного в том, что они стали друзьями до того, как этому помешало различие в их социальных статусах. Отец Доминика, возможно, помешал бы этой дружбе, если бы ни умер до того, как сыну исполнилось пять лет. Матери было все равно. А отец Гейбриела не смел вмешаться. Поэтому между Домиником и Гейбриелом существовала крепкая, отрицающая сословные различия дружба.

– Тебе нужно лечь в постель, – посоветовал Гейбриел.

– Тебе пора перестать отдавать мне приказы только потому, что считаешь меня слабым. Ты послал письмо моей матери? Я бы предпочел, чтобы она услышала о возмутительном требовании регента от меня, а не из сплетен, когда кто-то проболтается об этом.

– Конечно. Сегодня утром, милорд.

Гейбриел должен был стать слугой Доминика, но имел наглость нанять для хозяина еще одного камердинера, оставшись у него на службе без особых обязанностей. Доминик предлагал другу разные должности, которые того могли устроить, но Гейбриелу ничего не было нужно. Наконец он решил, что будет мастером на все руки и никому служить не станет. Он пока что не нашел названия для своей нынешней должности, но пообещал с готовностью сделать все, в чем будет нуждаться Доминик, и ожидал за это жалованья. И получал его. Хотя Доминик несколько раз увольнял Гейба, он знал, что будет скучать по другу, если тот воспримет увольнение всерьез и уйдет.

Гейбриел покачал головой.

– Я даю хороший совет. Не приказываю. Так что время от времени не мешало бы ко мне прислушаться. Но не ожидай, что если свалишься, я потащу тебя к постели. Позову лакеев.

– Я не настолько слаб, чтобы не дать тебе затрещину.

Прежде чем ответить, Гейбриел отступил.

– Ты очень слаб. Но я больше ничего не скажу, так что не считай необходимым доказывать обратное, хотя, если уж не можешь сам натянуть штаны...

Доминик решил, что иногда легче просто игнорировать друга. Обычно в обществе Гейбриела ему было комфортно, к тому же их общение позволяло ему поддерживать превосходную – и умственную и физическую – форму. Но с тех пор, как он вернулся домой именно с этой раной, все изменилось. Рана была пустяковой, обычной царапиной, по сути, но с каждым днем ему становилось не лучше, а хуже.

И для того, чтобы ему это сказать, не нужен был доктор. Доминик прекрасно знал, что рана не заживает так быстро, как должна бы. Он уже начал оправляться от большой потери крови, когда вдруг начался жар, лишавший его последних сил.

Приехав в этот раз в Йоркшир, Доминик совершил глупый поступок. После третьей дуэли с Уитвортом следовало остаться в городском лондонском доме и как следует отлежаться. Но он не хотел, чтобы мать узнала, насколько серьезна рана. Не хотел, чтобы знали Уитворты. Он скорее умрет, чем доставит им подобную радость. Кстати, он по-прежнему мог умереть. Потому что все еще чувствовал себя полумертвым. Но только из-за проклятого жара, который никак не мог унять.

Гнев не помогал. Угрозы регента и враг, приближавшийся к его дому в то время, как он был не в лучшей форме... все это только еще больше его бесило.

– Когда она приедет, помести ее в башню, пока я не решу, что с ней делать, – бросил Доминик.

– По-моему, тебе велели жениться на ней, – сухо ответил Гейбриел.

– Черта с два!

– Так ты собираешься ей отказать? – Гейбриел поднял золотистую бровь.

– Мне не придется. Она сама сбежит к своей семье, пока есть возможность. Пусть Уитворты имеют дело с последствиями.

– И как ты собираешься этого добиться?

– Есть много способов отпугнуть девицу, – мрачно посмотрел на него Доминик.

Гейбриел снова вскинул брови.

– Прекрасно, но должен напомнить, что у нас только одна башня, жить в которой решительно невозможно.

– В таком случае ты без труда ее найдешь, не правда ли? – так же сухо выдавил Доминик.

Гейбриел собирался уже уйти, но вдруг остановился.

– Я также должен сказать, что воюешь ты не с этой девушкой, а с ее братом, – на этот раз серьезно произнес он. – Дурным с ней обращением ничего не добьешься.

– А вот и нет, это послужит очень важной цели. Приведет Роберта Уитворта и его семью к потере земель и титула.

Глаза Гейбриела сверкнули.

– Теперь я уверен, что в твоём безумном плане есть здравый смысл. Прости, я имел в виду – логика.

– Сейчас не лучшее время, чтобы испытывать мое терпение, Гейб, – предупредил его Доминик, а затем крикнул камердинеру: – Эндрю, принесите костюм для верховой езды. Я не хочу находиться в этом доме, когда в дверь постучится враг.

Гейбриел раздраженно вздохнул:

– Доктор Бейтс прописал постельный режим.

– Я отдохну, когда вернусь после того, как выплесну свою ярость.

– Если будешь упрямым, снова придется позвать Бейтса. Черт побери, Дом, да будь же благоразумен! У тебя швы разойдутся, если сядешь на коня! Ройялу не понравится запах крови!

– Моей лошади не нравится много чего, включая тебя. Посмотрим, как он отреагирует на запах крови. А теперь довольно мрачных предсказаний. Хотя бы раз сделай, как велено.

Гейбриел тяжело вздохнул.

– Сначала я привезу Бейтса, – проворчал он, – а уж потом поговорю с твоей невестой.

Доминик медленно направился к гардеробной, чтобы встретить на полпути Эндрю.

– Она никогда не будет моей невестой.

Стоящий уже у дверей Гейбриел даже не обернулся.

– Я помещу ее в самую неудобную комнату, которая у нас есть.

– В башню, – настаивал Доминик.

– Конечно, хотя там нет постели.

– Пусть спит на чертовом полу!

Дверь за ним закрылась.

Глава 7

– Вот еще один, – заметила Брук, показывая в окно экипажа на руины маленького замка.

– Многие подобные замки в Йоркшире были выстроены для защиты от шотландских набегов. Йоркширу предназначалась роль заслона, который воспрепятствует шотландским армиям пройти к югу.

Брук взглянула на горничную и хихикнула:

– Ты слушала мои уроки по истории, верно?

Алфрида кивнула.

– Приходилось. Наставник должен был учить тебя истории. Твои родители уволили бы его, если бы узнали правду. Поэтому я стерегла дверь. Не помнишь, как ты всеми своими расспросами его провоцировала?

– Смутно.

Снова выглянув в окно, Брук задалась вопросом, действительно ли этот маленький замок стоял на земле Вулфа. Они, должно быть, уже пересекли границы владений, если только у Вулфа достаточно много земли.

– Интересно, пробудем ли мы здесь достаточно долго, чтобы увидеть цветение вереска?

Им сказали, что вереск распускается в конце лета.

– Должно быть, это так красиво! Он здесь кругом.

– Йоркширские пустоши даже без вереска в цвету очень живописны. Но я предпочитаю густой лес, – ответила Алфрида.

Этим утром небо было облачным, и без солнца ландшафт казался довольно унылым и мрачным. Но может, все дело было в мыслях Брук?

– Во имя бога, где же это? – нетерпеливо спросила она, по-прежнему глядя в окно со своей стороны.

Алфрида в уточнениях не нуждалась.

– С моей стороны, – коротко бросила она.

Брук ахнула и быстро поменялась местами с горничной, но при виде здания разочарованно поморщилась.

– Надеюсь, это не тот дом.

– Бьюсь об заклад, это он.

Фасад трехэтажного особняка из темно-серого камня выглядел почти черным. Хотя, возможно, его покрывали мох или плющ. На таком расстоянии сказать было трудно. По углам массивного прямоугольного строения возвышались две башни и перед каждой росло большое дерево. Оба сейчас были в полном цвету, и поэтому заслоняли от Брук вид на особняк.

– Он выглядит грозным, мрачным и одиноким.

– Вовсе нет, – рассмеялась Алфрида. – Он бы не казался тебе таким, если бы выглянуло солнце. Скоро пойдет дождь. Будем надеяться, что к тому времени мы окажемся под крышей.

– Если нас впустят.

– Перестань! – велела горничная, досадливо прищелкнув языком. – Если тебя прогонят от двери, я на нее плюну. Посмотрим, понравятся ли им мои проклятия в добавление к тем, что уже имеются.

Брук, не сдержавшись, расхохоталась. Алфрида не была ведьмой, но иногда любила изображать таковую. Она клялась, что кто-то из ее прапрабабок был колдуньей. Этим она вселяла страх и почтение в сердца благоговевших перед ней деревенских жителей.

Но тут Брук кое-что заметила.

– Я вижу за домом живую изгородь – достаточно высокую, чтобы ничего нельзя было за ней разглядеть. Интересно, у них есть лабиринт? Вот было бы весело!

– Знаю, ты была лишена многого и уж точно – детства, но стоило бы радоваться тому, что ты никогда не видела лабиринтов. Там можно заблудиться.

– Ты это знаешь по опыту?

– Я? – фыркнула Алфрида. – Идти в чертов лабиринт? Да в жизни такого не будет! Но Кора из деревни Тамдон работала в поместье на юге, где лабиринт был. Она и ее поклонник назначили в нем свидание. Он был так велик, что никто не услышал их криков о помощи. Хорошо, что прошло только несколько дней, а не недель, прежде чем их нашли.

– Им стоило бросать хлебные крошки, чтобы оставить след, по которому можно было бы вернуться.

– Они так и делали. Но кот Кору последовал за ними и все съел.

– Хочешь сказать, что все это правда? – покачала головой Брук.

Алфрида ничего не отрицала и не подтверждала.

– Я просто говорю, что если войдешь в лабиринт, оставляй след, только не съедобный.

– Запомню, даже если это все неправда.

Брук откинулась на спинку сиденья. Ее снова терзали опасения, и чем ближе становилась цель, тем больше увеличивалась тревога. Возможно, уже в течение часа она встретится с будущим мужем. Если он вообще в доме. Посланник, очевидно, полагал, что так и есть. Но что, если Доминика Вулфа не было в его йоркширском доме во время визита посланника и он до сих пор ничего не знает о свадьбе? Вот и передышка для нее! Она только рада будет.

Может, лорд Вулф предупрежден о том, что от него требуется, и намерен бесконечно скрываться, чтобы избежать встречи? Ей понравится жить здесь, и если он решит держаться подальше, дом на время будет только ее собственным.

Алфрида тронула Брук за плечо и кивком указала на другое окно. Экипаж проехал мимо дома и одолевал последнюю петлю дороги, которая должна была привести их во двор. Теперь они увидели большую конюшню сбоку от дома, а чуть подальше – отгороженное пастбище, простирившееся насколько было видно глазу. При виде небольшого табуна лошадей, пасшихся на траве, светло-зеленые глаза Брук широко раскрылись. В табуне было и несколько жеребят.

– Должно быть, он разводит лошадей! – взволнованно произнесла она. – Какая ирония: он делает то, что я только мечтаю делать!

– Все еще не отказалась от глупой мечты разводить лошадей? – хмыкнула Алфрида.

– Не просто лошадей, а беговых! Чемпионов! И я действительно об этом мечтаю!

– Но женщины этим не занимаются, – отрезала Алфрида. – Это, как тебе известно, скандальная затея.

– Черта с два! О, нет-нет, конечно, я не стану возиться с лошадьми сама. Для этого у меня будет управляющий. Но я буду владеть конефермой, производить отбор и участвовать в тренировках. Да, я вполне смогу это сделать. И буду получать неплохой доход, как только порву с семьей и мужем.

– Или вместо этого посвятишь себя детям, – заметила горничная.

– Если они у меня будут. Но кто говорит, что я не смогу заниматься и тем, и другим? Я могу выращивать лошадей и воспитывать будущих заводчиков лошадей.

Брук рассмеялась. Любовь лорда Вулфа к лошадям – большой плюс. Что же, приятно знать!

Она вдруг почувствовала себя куда более благожелательно настроенной по отношению к нему и его земле.

– Смотрю, при этой мысли твои щеки порозовели, и это неплохо, – сказала Алфрида. – Мы на последнем отрезке пути к дому.

Глава 8

Подъездная аллея была обсажена деревьями, правда, не через равные интервалы, так что их, скорее всего, высаживал не садовник. Плющ действительно покрывал темно-серые стены дома, но плети были отведены в сторону от окон фасада. Брук увидела прямо над парадным входом большое круглое витражное окно, но с такого расстояния не смогла сказать, образуют ли цветные стекла картину. По обе стороны от двойных дверей стояли подстриженные кусты. Да, здесь подслушивать под окнами будет нелегко.

Один из лакеев Уитвортов помог Брук выйти из экипажа. Она расправила сиреневую, доходившую до колен ротонду и глянула вниз, чтобы убедиться, что подол розового платья доходит до туфель. Брук решила не надевать шляпку с перьями, которую сняла во время поездки, и просто несла ее в руке. В этот момент сквозь тучи прорвалось солнце. Было ли это хорошим знаком или просто

совпадением? Зато теперь стало ясно, что дождя не будет.

Алфрида с Растоном на руках вышла вслед за ней и сварливо заметила:

– Можно подумать, нас не видели и не слышали! Могли бы и выйти поприветствовать. Ленивые здесь слуги! Надеюсь, нам не придется стучать в дверь.

– Возможно, здесь никто не живет, – предположила Брук. – А вдруг мы не туда приехали?

– Не стоит питать слишком большие надежды, куколка. В гостинице нам указали правильную дорогу.

Вероятно, это просто не слишком тонкий намек на то, что они здесь нежеланные гости. Но Брук ничего не стала объяснять. И без того все ее внутренности скрутились узлом, и продолжалось это уже не первый день, но сейчас ей стало еще хуже. Если ее вырвет, унижению не будет предела. Тот слуга, которому придется за ней убирать, ее возненавидит. Не слишком хорошее начало.

Лакеи ждали ее приказа разгружать багаж, но Брук пока его не отдавала. И не двигалась.

– Пойдем со мной, – произнесла Алфрида, не замечая, что девушка приросла к месту.

И двинулась к двери. Растон громко зашипел и вырвался. Они увидели, как он забежал за угол дома и исчез.

– Что за дьявол в него вселился? – изумилась горничная.

– Может, он почуял, что в доме собаки? – предположила Брук.

– Или где-то рыщет настоящий волк, – возразила Алфрида, намекнув на то, что в старинных сказаниях есть правда. – Растон обычно отпугивает собак. Хотела бы я видеть такую, которая сможет его напугать.

- Это новое место. Он пока не чувствует себя дома.

- И я тоже, поскольку нас никто не встретил.

- Пойдем за ним.

- Нет, давай сначала устроим тебя. Растон далеко не уйдет. Вполне возможно, он напрямик отправился в конюшню. Он к этому привык.

- Подождем, - решила Брук. - Если дверь не откроется, у нас есть все основания уехать.

- Знаю, ты нервничаешь, но...

- Ну, давай подождем. Солнце вышло. Мне бы хотелось немного передохнуть...

Брук осеклась. Она боялась, что начнет болтать нечто бессвязное. Она действительно нервничала. Так много зависит от того, что случится сегодня!

Пристально смотревшая ей в лицо Алфрида, быстро кивнула. Неужели так заметно, что она боится?

Брук несколько раз глубоко вздохнула, но это не помогло.

Прошло минут десять. Возможно, больше. Похоже, в доме действительно никого не было. Или у Вулфов просто нет слуг? Нет, мать сказала, что эта семья богата и родовита. Так что, вероятно, волк велит Брук убираться. Это его способ избежать женитьбы.

Она с облегчением вздохнула, но тут же поняла, что у нее и без того слишком много бед, не хватало еще и этой.

Наконец Брук выпрямилась и кивнула Алфриде, которая тут же поднялась на крыльцо и взмахнула кулаком, готовясь постучать. Но в этот момент одна из створок двойной двери, наконец, открылась. Алфрида злобно уставилась на стоявшего перед ней мужчину. Брук молчала. Только взглянула на него и тут же опустила глаза, как привыкла делать в присутствии незнакомых людей. Но

успела увидеть высокого мужчину с короткими светлыми волосами, остриженными по последней моде, так нравившейся ее брату, и со светло-голубыми глазами. Красавец, в панталонах рыжевато-коричневого цвета и облегающем фраке с пышным галстуком. Так слуги не одеваются. Если это лорд Вулф, она будет довольна. И на душе сразу стало легче.

- Вы представляете, сколько мы уже здесь ждем? - рассердилась Алфрида.

- Не дольше, чем я простоял в ожидании, пока вы постучите.

Брук не верила своим ушам. Подобная логика была для нее лишена смысла. Алфрида выругалась и раздраженно спросила:

- Почему вы предпочли нас проигнорировать? Таков был замысел?

- Я бы никогда подобного не сделал. Вас просто невозможно проигнорировать. Я всего лишь хотел убедиться, что в доме прибрано, прежде чем приглашу вас войти.

- Прибрано? Что там прибирать?

Брук слышалось, как мужчина пробормотал что-то вроде «яростные столкновения», но он говорил так тихо, что она не была уверена, что верно расслышала.

- Пожалуйста, войдите, - добавил он.

- Если вы дворецкий, я позабочусь, чтобы вас уволили.

- Я не дворецкий и вы не позаботитесь ни о чем подобном, - жизнерадостно заверил мужчина. - Скоро вы меня полюбите, и ваше сердце полюбует.

- В твоих мечтах, щенок! Проводи нас к своему господину.

- Нет, но я провожу вас в ваши комнаты.

Значит, он не лорд Вулф. Какое разочарование! Но подняв глаза, Брук увидела, что он пристально ее разглядывает. И не отводит глаза.

Алфрида, недовольная такой грубостью, громко откашлялась.

Он услышал это, но не покраснел. Наоборот, расплылся в улыбке и сказал Брук:

– Если он не полюбит вас, полюблю я. Вы уже завладели моим сердцем, даю слово. К вашим услугам, миледи Уитворт. Я Гейбриел Бискейн, и я счастлив видеть вас.

Его глупая беспечная болтовня вызвала у нее короткую учтивую улыбку. Брук не привыкла разговаривать с молодыми людьми и уж точно никогда не наблюдала их реакцию на встречу с ней.

– Так вы ожидали нас? – спросила она.

– Не так скоро, но вам и вашей матушке следует войти.

– Я недостаточно стара, чтобы быть ее матерью, – проворчала Алфрида... – То есть стара, но я не ее мать. И если еще раз увижу, что ты снова глазеешь на нее подобным образом, ты решишь, что я твоя мать. Потому что я надеру тебе уши.

Алфрида была определенно раздражена приемом и манерами Гейбриела Бискейна. Мало того, он ничуть ее не боялся.

– Видите? Вы уже меня любите, – подмигнув, заметил он.

Он отступил от двери, давая им пройти.

– Пойдемте. Я провожу вас в ваши комнату, хотя, по моему мнению, это вообще не комната. Да и вам не стоит считать это комнатой. О черт! Это башня.

Брук это не понравилось. Поэтому она повторила требование Алфриды:

– Возможно, вам стоит отвести меня к лорду Вулфу?

– Я не могу этого сделать. Он встретится с вами, когда будет готов.

– Сегодня?

– Возможно, нет.

Еще одна передышка, мысль о которой вызвала вздох облегчения и еще одну улыбку на ее губах. Последние узлы в желудке были благополучно развязаны. Должно быть, этот человек шутит насчет башни. Но если и нет, пусть будет башня! Она не станет возражать, если при этом ей не придется в ближайшее время общаться с хозяином поместья, и если в башне есть кровать. Должна быть!

Алфрида уже хотела запротестовать, но Брук покачала головой, поскольку горничная только и делала, что жаловалась. А мистер Бискейн уже повернулся и шел по вестибюлю.

Пройдя мимо двух греческих колонн, стоявших по краям вестибюля, они вошли в огромный коридор. Пол здесь был выложен серым мрамором. На белых стенах, отделанных темными деревянными панелями, висели написанные маслом картины. Брук увидела, что это портреты мужчин и женщин. Некоторые были изображены в одеждах шестнадцатого и семнадцатого веков. Вероятно, это предки виконта.

В центре коридора висела хрустальная люстра, так высоко, что слугам наверняка приходилось взбираться на лестницу, чтобы ее зажечь. Брук предположила, что ее вряд ли часто используют.

Они прошли мимо двойных дверей, вне всякого сомнения, ведущих в гостиные и столовую, и наконец, оказались у парадной лестницы.

Цветные пятна на белых стенах заставили Брук оглянуться на вестибюль. Круглое витражное окно над дверью преломляло солнечные лучи, и по всей лестнице были разбросаны красные, синие и желтые пятна. Витраж действительно образовывал рисунок – голову ощерившегося волка. Вероятно, это часть фамильного герба. Но почему они выбрали изображение хищного зверя? Возможно, у нынешнего лорда Вулфа было чувство юмора, и он заказал этот витраж в пику абсурдным слухам? Но поразмыслив, Брук решила, что слухи

о том, что он ночами воет на пустошах, скорей всего ему нравятся не больше, чем легенды о проклятиях и обреченных на смерть молодых людях.

Когда они поднялись по лестнице, Гейбриел повел их направо по широкому, устланному ковром коридору с дверями только по одной стороне. Вероятно, они находились в глубине дома.

Скоро они свернули за угол и пошли по очередному коридору, ведущему обратно, к передней части дома. Здесь несколько дверей по обеим сторонам коридора были открыты, чтобы впустить свет. В доме наверняка имелось много спален, и он был гораздо больше, чем казалось снаружи.

В конце коридора Гейбриел остановился у винтовой лестницы. Брук догадалась, что она ведет к комнате в башне, о которой он упоминал. До этого момента она не думала, что он всерьез решил поместить их в башне.

Брук сжалась, но Гейбриел не пошевелился, только долго смотрел на темные ступеньки перед ними. Наконец он молча повернулся и пошел обратно. Они миновали один коридор и оказались в другом. Проходя дверь в конце коридора, он оглянулся на Брук и Алфриду и прижал палец к губам, давая понять, что нужно вести себя тихо. Шагнул к следующей двери, справа от лестницы. Брук вспомнила о том, что происходило в детстве, когда она тревожила уединение отца. Это было только однажды. В ее доме уроки усваивались быстро.

Гейбриел вошел в комнату, пересек ее и, чтобы впустить свежий воздух, открыл два окна. Брук последовала за ним, желая увидеть, куда они выходят. Она оказалась права. Высокие кусты живой изгороди, которые она видела на расстоянии, окружали очень большую парковую зону за домом. Здесь были ярко-зеленые газоны и тропинки, окаймленные клумбами с розами и другими чудесными цветами. Были и дающие тень деревья с расставленными под ними скамейками, а также крохотный прудик. Фонари, разбросанные в хаотичном порядке, освещали дорогу по ночам, но поскольку изгородь была очень высокой, из окна Брук не видела тропинок. А жаль.

Ей бы хотелось запомнить дорогу, прежде чем она отправится гулять по парку. А она непременно это сделает. Если они останутся.

Перед уходом Гейбриел прошептал:

– Он будет разгневан из-за того, что я не разместил вас там, где он приказал. Я приму удар на себя, но пока что предпочитаю его не будить, так что попытайтесь вести себя как можно тише, чтобы он вас не услышал.

Возмущенная тем, что он не шутил про башню, Брук ответила:

– Пожалуйста, я предпочла бы другую комнату, не так близко к его собственной, пусть даже и в башне.

Гейбриел улыбнулся. Очевидно, он не так боялся гнева лорда, как хотел показать.

– Это единственная свободная комната, в которой чисто и нет постоянно висящей на двери таблички «не пользоваться».

Идя по коридорам, Брук не заметила никаких табличек.

– Но почему лорд Вулф спит в такое время? – удивилась она.

– Я был бы поражен, узнав, что он спит.

Гейбриел уже направился к двери, но остановившись, добавил:

– Я прикажу, чтобы принесли ваши вещи.

Брук хотела поблагодарить его, но дверь слишком быстро закрылась, к тому же она в этот момент гадала, уж не такой ли у волка вздорный характер, как у ее отца. Недаром он требует, чтобы все ходили вокруг него на цыпочках. Кроме этого она смотрела на другую дверь, которая вполне могла вести в комнату лорда Вулфа, и в голове теснились самые тревожные мысли. Хуже всего было то, что волк вполне мог наброситься на нее, пока она спит.

Гейбриел пришел как раз в тот момент, когда доктор Бейтс собирался уходить. Тот остановился, чтобы дать ему те же наставления, что и всем остальным в комнате.

Доминик уловил выражение лица Гейба и рассмеялся бы, но представил, как ему будет больно, и сдержался. Все были правы. Швы разошлись, и верховую прогулку пришлось сократить. Но речь доктора, произнесенная, чтобы его пристыдить, сделала то, чего он добивался от верховой езды: временно истощила его гнев.

Карл, слуга, которому было велено оставаться с ним и выполнять все приказы, сидел на стуле у двери и сочувственно морщился, пока доктор диктовал наставления. Эндрю, камердинер Доминика, тоже находился в хозяйских покоях, но был чем-то занят в гардеробной.

Гейбриел закрыл дверь за доктором и подошел к кровати.

– Пиявки? В самом деле?

– То, что ты написал в записке, призывающей сюда Бейтса, очевидно, заставило его как следует подготовиться к лечению моей лихорадки, – проворчал Доминик. – Он предупредил, что следующие несколько дней его не будет, поскольку ему предстоит поездка к живущему на севере пациенту. Но он уверен, что пиявки помогут быстро снизить жар. Это его мнение. Не мое.

Рядом с вновь зашитой раной на ноге Доминика отчетливо выделялись две пиявки. Гейбриел отказывался на них смотреть, вместо этого он уставился на спавшего у подножья кровати пса. Покачав головой, Гейбриел собрал с простыни рыжую шерсть.

– Не стоило бы позволять этой дворняге спать здесь, по крайней мере когда ставишь пиявки. Он линяет. Не хочешь же ты, чтобы собачья шерсть попала в рану?

– Вулф – хороший пес и волнуется за меня. Когда Карл пытался его выгнать, он отказался уходить. Потом можешь почистить его конской скребницей, – велел Доминик и, вспомнив о главном, что занимало его мысли, спросил: – В экипаже была дочь Уитворта?

– Именно.

– Как ей понравилась башня?

Прежде чем встретиться взглядом с Домиником, Гейбриел кивком велел Карлу покинуть комнату.

– Это мне не известно.

– Она уже уехала?

– Нет, леди Уитворт, вероятно, вполне счастлива поселиться в своей комнате.

– Где ты разместил ее, Гейбриел? – нахмурился Доминик.

Ответ был таким тихим и неразборчивым, что Доминик ничего не понял. Он был слишком измотан, чтобы повторять свой вопрос, поэтому просто ждал, глядя на друга в упор.

Наконец Гейбриел вздохнул и произнес уже громче:

– В соседней комнате.

– Гейб, – проронил Доминик.

– Ну... комната Эллы заперта и всегда будет заперта. А твоей старой комнатой воспользоваться нельзя, потому что ты оставил там большинство своих детских безделушек.

– На этом этаже полно спален! Как ты посмел поселить сестру моего врага...

– Подожди. Не пытайся откусить мне голову, пока не окрепнешь. У меня действительно не было выхода. Ни одна из гостевых комнат не готова. Потому что всякий, кто хочет навестить тебя и пожить здесь, предупреждает заранее, чтобы мы успели приготовить комнаты. Таков был приказ твоей матери, который ты не позаботился изменить. В безупречном порядке содержатся только

комнаты родных. Что же до соседней комнаты... Твоя бабушка велела прорезать смежную дверь и переместилась в соседнюю спальню, потому что больше не смогла выносить храп твоего деда. Если бы она этого не сделала, эта спальня даже не была бы частью твоих покоев.

- Ты прекрасно знаешь: я всегда считал, что это комната матери. Она перебралась туда после смерти моего отца и жила до тех пор, как...

- Пока не уехала после смерти Элоизы, - закончил за него Гейбриел. - И поклялась, что никогда не вернется. Там больше никто не жил, но ты велел содержать ее в полном порядке, на случай, если мать однажды передумает.

- Не передумает, - глухо ответил Доминик. - Она выросла в Лондоне и предпочитает его. Здесь для нее слишком скорбная атмосфера, а там она немного отвлекается.

- Но если леди Анна все же вернется, вряд ли она захочет снова жить в этой комнате, она поселится в другой. И пожелает, чтобы в твоём распоряжении были все хозяйские покои. Кроме того, я разместил леди Уитворт временно, но если хочешь знать, я посчитал вполне приличным поселить девушку там, к тому же после свадьбы ей не придется переезжать.

Доминику было все равно, насколько логично все это звучит. Но вот фраза о свадьбе... Впрочем, нечего сердиться на Гейбриела, все равно это долго не продлится. Кроме того, у него просто нет сил спорить.

- Запри эту чертову дверь, - все же буркнул он.

- Разумеется.

Гейбриел поспешил к злосчастной двери, повернул ключ и даже проверил, надежно ли заперто. Вернувшись, он весело сказал:

- Впрочем, пока ты все равно не сможешь бродить по коридорам, где всегда есть возможность с ней столкнуться. Пиявки помогают? - добавил он, пытаясь сменить тему.

Не получилось.

– Ты ослушался моего приказа, – отчетливо выговорил Доминик. – Чем ты руководствовался, если не считать твоей извращенной логики?

Гейбриел съежился, но не отступил.

– Когда выздоровеешь, сможешь сам переселить ее в башню. У меня просто не хватило мужества на подобное.

Доминик вздохнул и закрыл глаза.

– Я тебя утомил, – предположил Гейбриел. – Ухожу.

– Не уходишь, – отрезал Доминик. – Кто из членов семьи приехал с ней?

– Никто. – Гейбриел подвинул к кровати стул и сел. – Что кажется довольно странным. Однако с ней достаточно слуг, хотя здесь останется только горничная. Очаровательная женщина, ничего не скажешь. Полна огня и злобных угроз. Можно подумать, это она леди, но очевидно, что она стремится всячески оберегать свою госпожу.

– А сама госпожа?

– Она не обращалась со мной, как с червем под ногами, как поступала сам знаешь кто. А именно, твоя последняя любовница. Не буду повторяться. Но некоторые дамы просто... просто...

– Да. Я знаю твое отношение к стервозным особам женского пола, – вздохнул Доминик и напомнил: – Ты еще не ответил на мой вопрос.

– Если хочешь знать, леди выглядит несколько запуганной, словно не привыкла к незнакомым людям или не ожидала, что ее пригласят. Или она просто очень скромна. Да, возможно, дело в этом, учитывая ее юный возраст.

– Она настолько молода? – вскинулся Доминик, вновь открыв глаза и прищуриваясь. – Если мне прислали ребенка....

– Ты в самом деле думаешь, – со смехом перебил Гейбриел, – будто принц-регент предъявит ультиматум, не проверив, достигла ли дочь Уитворта брачного возраста? Нет, для этого она достаточно взрослая. Хочешь, чтобы я почитал тебе или...

– Не стоит, – бросил Доминик и стал ждать, когда друг уйдет.

Но Гейбриел просто отложил только что взятую книгу и в ожидании, пока Доминик задремлет, поудобнее устроился на мягком стуле. Потом и он сможет вздремнуть. Можно подумать, больше нечего сказать о встрече с девчонкой Уитвортов. Можно подумать, Доминику не хочется побольше разузнать о невесте, которую ему навязали.

Но Доминику действительно это было неинтересно. Она не останется. Он даже даст ей для поездки домой свой экипаж, лишь бы она отказалась за него выйти.

Но видя, что Гейбриел продолжает молчать, Доминик рявкнул:

– Черт возьми, как она выглядит?

– Я надеялся, что ты не спросишь, но раз уж спросил... – Прежде чем продолжить, Гейбриел тяжело вздохнул. – У нее бородавка на левой щеке и еще одна у носа. Я не смотрел на нее слишком долго. Ярко-красные щеки, более подходящие деревенской молочнице. Глаза круглые, как у совы. Но если ты сумеешь посмотреть на все это, включая ее вес, сквозь пальцы...

– Она еще и толстуха?

– Ну, не то чтобы... – покачал головой Гейбриел. – Ладно, так и есть. Но строгая диета и физические упражнения могут это исправить. Я, пожалуй, составлю для нее подходящий режим, если ты...

– Нет. И не привечай ее. Я хочу, чтобы она возненавидела это место и уехала сама.

– Так ее вес – проблема?

- Не разыгрывай из себя идиота, Гейб! Плевать мне на то, как она выглядит!

- В таком случае зачем спрашивать?

- Потому что не люблю сюрпризов, и по правде говоря, боялся, что она настоящая красавица, посланная, чтобы меня искушать, поскольку ее брат очень красив, несмотря на то что душа у него черная. По крайней мере, я рад, что она некрасива. Я решил, как поступлю, в тот самый момент, когда эта жаба – принц-регент – угрожал мне последствиями в случае невыполнения его желаний. Если Роберт Уитворт из-за сестры потеряет все, что ему дорого, справедливость восторжествует. Так что ей придется отказаться стать моей женой, и нам нужно сделать все, чтобы она приняла именно такое решение. Тебе все ясно?

- Абсолютно.

- Тогда приведи ее ко мне.

- И тебе будет все равно, если она испытает отвращение, увидев то, что оставил от тебя доктор?

- Пусть хоть в обморок падает! Приведи ее и не забудь захватить нюхательную соль.

Глава 10

- Нужно узнать, есть ли здесь оранжерея или теплица, где мы смогли бы посадить черенки трав, – сказала Брук Алфриде.

Они направлялись к конюшне поискать Растона, а кроме того Брук хотела увериться, что за Ребел хорошо ухаживают. Она оставила шляпку и ротонду в спальне, поскольку день выдался теплым. Ее розовое платье в стиле ампира с короткими рукавами-фонариками было сшито по последней моде. В глубокий вырез для скромности была заправлена такого же цвета косынка. Брук никогда ее не снимала, хотя знала, что это полагается делать на вечерних собраниях в Лондоне.

– Черенки нужно высадить как можно скорее, чтобы они прижились до осени, – добавила Брук. – Я знаю, тебя это тревожит.

– Ты – моя единственная тревога, куколка. Для меня всегда имела значение только ты, с той минуты, как тебя положили мне на руки. Пока что можно высадить черенки в открытом грунте. Возможно, за живой изгородью, где садовники их не заметят. Почва здесь плодородная, судя по тому, как разросся парк.

– Да, и мы можем выстроить собственную теплицу, если здесь ее нет, – заверила Брук. – Харриет дала мне деньги на поездку, больше, чем мне нужно. Не потому, что так хотела, просто она всегда делает то, что от нее ожидают, желает она того или нет.

– Она по-своему любит тебя, куколка.

– Не защищай ее. Я знаю свою мать и сейчас не хочу о ней думать. – Чтобы не поддаваться старым эмоциям, Брук быстро сменила тему: – Как по-твоему, это теплица?

– Отсюда трудно разглядеть, – пожала плечами Алфрида, поняв, что Брук смотрит на небольшое здание у живой изгороди, окружавшей парк. – Возможно, это всего лишь садовый сарай.

– Не могу разглядеть, это стеклянная крыша или просто светлые доски.

Алфрида, прищурившись, стала рассматривать квадратный домик.

– Если это и стекло, то очень грязное. Но мы посмотрим поближе, когда я найду Растона.

Едва войдя в конюшню, они услышали громкое мяуканье, доносившееся откуда-то сверху. Обе рассмеялись. Растон не собирался вставать с длинной потолочной балки, просто хотел дать знать о своем присутствии.

К дамам подошел престарелый седой мужчина. За ним следовал мальчик-подросток.

– Здесь коту будет хорошо, мэм, – сказал старик. – Весьма уместный гость. Утром я как раз заметил несколько мышей в копне сена и подумывал принести из деревни кота сестры, поскольку наш постоянный мышелов нас покинул. Я не желаю, чтобы всякая дрянь пугала лошадей. Возможно, ваш кот позаботится об этой проблеме, если он действительно ваш.

– Мой, – кивнула Алфрида.

Морщинистое лицо старика расплылось в улыбке. Он явно радовался своей догадливости. Но взглянув на Брук, он нерешительно замер, не зная, что сказать. На какой-то момент ей показалось, что в его глазах промелькнула жалость. Но потом он словно встряхнулся и представился:

– Я Арнольд Бискейн, старший конюх здесь, в Россдейл-Мэнор. А это мой младший сын Питер.

– Вы родственник Гейбриела Бискейна? – с любопытством спросила Брук.

– Гейб мой племянник. Питер уже выпустил вашу кобылу пастись вместе с другими. Здесь о ней хорошо позаботятся.

– Спасибо, – улыбнулась Брук. – Ребел очень дорога мне.

Брук не просто любила свою лошадку. Ребел была ее надеждой на будущее. Ей хотелось найти кобылке жеребца, пока та еще молода. Дома ей этого не позволяли, потому что старшему конюху приказали не увеличивать табун. Когда Брук была моложе, она то и дело изобретала планы, как достичь своей цели, и даже пыталась подпустить к ней жеребца ночью, когда конюхи спали. Но побоялась подойти к коню отца, который явно нравился Ребел. Возможно, здесь ей позволят спарить кобылку с подходящим жеребцом, если волк действительно разводит лошадей.

Она обязательно спросит об этом виконта при встрече, если таковая состоится. А сейчас ее куда сильнее заботили черенки трав.

– Скажите, это теплицу мы видели около живой изгороди?

Арнольд кивнул:

- Ее велела построить леди Анна, мать виконта Россдейла. Она любила садоводство, но не хотела портить силуэт дома, добавляя оранжерею. В теплице она выращивала прекрасные цветы, которые потом пересаживались в парке. Некоторые даже выжили после ее отъезда, хотя все растения в теплице завяли и умерли.

- Как, по-вашему, я могу кое-что посадить в теплице?

Конюх не ответил. Возможно, сам не знал, что ей позволено, а что - нет. Вместо этого он спросил:

- Думаете, миледи, что останетесь здесь и выйдете замуж за лорда, несмотря на проклятие?

Интересно, почему у него вдруг сделался такой грустный вид? Возможно, он верит в дурацкое проклятие!

Она едва не хихикнула. Что за абсурдная тема! Кроме того, она просто не знает ответа.

Поэтому Брук произнесла:

- Это очень хороший вопрос, но ответ пока неясен, поскольку я еще не видела лорда. Спасибо, что присмотрели за моей кобылкой. Я бы хотела увидеть всех лошадей Россдейла, когда будет больше времени. Но сейчас, пока моя горничная будет осматривать теплицу, я хочу проведать Ребел. Встретимся здесь через несколько минут, Фрида.

Она прошла через конюшню и, открыв заднюю дверь, сразу увидела ограду пастбища. На дальнем поле паслась Ребел. Жеребцов держали на ближайшем пастбище.

Брук немного за ними понаблюдала. Прекрасная порода!

Один жеребец подскакал к ней. Он был вороной. Черный как ночь, даже грива и хвост! И хотя конь был очень высоким, все же он обладал непередаваемым изяществом и грацией. Стараясь дотянуться до Брук, он просунул голову между досками ограды.

Она подошла ближе и осторожно почесала ему морду.

– Ну, разве ты не красавец? Да, понимаю, ты не кобылка, так что не обижайся. Ты все равно красавец!

– Вижу, вы девушка храбрая! Жеребец Доминика обычно ни к кому не подходит. Пару раз он даже меня пытался укусить.

Вспугнутый появлением непрошеного гостя, конь ускакал. Брук обернулась и увидела стоявшего за ее спиной Гейбриела.

– Я люблю лошадей. Возможно, они это чувствуют.

– Я тоже люблю лошадей, – покачал головой Гейбриел. – Да и кто не любит таких чудесных животных? Но это чудовище все равно старается укусить любого, кто приближается к нему, даже если у этого любого в руке морковка. Будьте осторожны, если он снова подойдет, или просто не приближайтесь к ограде. Он король табуна. – Молодой человек рассмеялся и махнул рукой в сторону жеребца: – Совсем как его владелец – король своих владений.

В его словах Брук не услышала приказа. Скорее это был дружеский совет, который она может принять или игнорировать. Но она кивнула и спросила:

– Пришли провести экскурсию по поместью?

– Нет. Он готов видеть вас, – сообщил Гейбриел, показывая на дом.

Ее ноги, казалось, мгновенно отрастили корни. Она не могла сдвинуться с места.

– Почему?

– Почему? – рассмеялся он. – А я думал, вы хотите видеть его сегодня.

– Черта с два!

Опять ее тошнит, словно желчь жжет желудок. Какая досада! Брук следовало бы привыкнуть. Ведь она жила с этим всю жизнь.

Но ноги по-прежнему не двигались. Поэтому она отвлекла Гейбриела, спросив:

– Какова ваша должность здесь?

– Я мастер на все руки, – ухмыльнулся он. – Выполняю все приказы Дома.

Она удивилась фамильярности, с которой он говорил о своем господине.

– Вы заботитесь о нем?

– Как все друзья.

Не познакомься она с другими Бискейнами, родственниками Гейбриела, посчитала бы его мелкопоместным дворянином, живущим у благодетеля. У Роберта был один такой друг – как ни трудно было поверить, что у такого человека, как ее брат, вообще могут быть друзья. Он часто приезжал с Робертом и жил в доме в качестве гостя. Однако слуги обычно не считают своих хозяев друзьями. Такое просто неслыханно. В ее семье подобного точно не водилось. Господи! Неужели и в этом они с виконтом похожи?

– Так он славный малый? Я так...

Она плотно сжала губы, увидев, как вся веселость Гейбриела мгновенно растаяла. Узел в животе затянулся туже. И он не ответил ей!

– Я не хотел торопить вас, леди Уитворт. Но он не любит ждать.

– Я не двинусь с места, пока не услышу ваш ответ.

Гейбриел вздохнул.

- Вы должны знать причину, по которой оказались в Россдейл-Мэнор. Его сжигает ненависть к вашему брату.

- И вы разделяете эту ненависть?

- Да.

- Почему?

- Вы не знаете?

- Мы с Робертом не разговариваем. Вряд ли и мои родители знают, по какой причине ваш господин трижды вызывал его на дуэль. Собственно говоря, думаю, Роберт обманул и их, назвав это безделицей.

- Подлый негодяй! - рассерженно пробормотал Гейбриел.

Она всем сердцем была с ним согласна, но не собиралась признаваться в этом слуге. Может, он расскажет, почему виконт вызывал на дуэль ее брата.

- Что он сделал?

- Я не могу открывать чужие тайны. Уверен, Доминик расскажет вам. Если спросите, конечно. Возможно, вы не захотите затрагивать сегодня эту тему.

- Значит, ко мне будут относиться так же, как к моему брату? - возмутилась Брук. - И именно этого мне следует ожидать от лорда Вулфа?

- Честно говоря, не знаю, чего вам ожидать. Но если он пошлет кого-то другого найти вас, результаты никому не понравятся. Пожалуйста, соберитесь и идите к дому.

Она усилием воли заставила себя передвигать ноги, хоть и медленно. И при этом не позволяла себе задумываться о том, что должно произойти.

– Здесь работает много ваших родственников. – Пытаясь отвлечься, Брук повернулась к Гейбриелу.

– Не так много. Несколько кузенов, дядя, моя мать. Коттериллов и Джекманов здесь гораздо больше. Наши предки жили в округе и в деревне Россдейл. Ее можно увидеть с западной башни, вернее, можно было до того, как башня почти вся выгорела. Туда никто теперь не ходит. Мой отец до самой смерти служил здесь дворецким. Когда я был ребенком, он хотел передать мне свою должность, даже пытался обучить обязанностям, но я был слишком занят, развлекаясь с Домиником, чтобы проводить время за скучными занятиями. Поэтому после смерти отца был нанят новый дворецкий.

– Что было причиной пожара?

Он проследил за ее взглядом.

– Доминик.

– Жуткая история. Что он там делал?

– Разводил костер.

– Нарочно? – ахнула Брук.

– Да. Там очень любила в детстве играть его сестра. В год своей смерти она снова стала туда подниматься. Но не затем, чтобы играть. Просто часами стояла у окна. А летом умерла.

– Мне очень жаль.

– Нам всем жаль. Здесь ее любили.

– У лорда Вулфа есть еще родные?

– Мать и несколько дальних родственниц. Но он последний из рода Вулфов по мужской линии и намерен таковым остаться.

Глава 11

Как ни старалась Брук помедленнее переставлять ноги, они все-таки поднялись наверх. Она отчаянно искала способ задержаться, не сразу входить в комнату в конце коридора. Поэтому она в сотый раз остановилась, чтобы спросить Гейбриела:

– Почему вы поселили меня в комнату, смежную с его спальней?

Он оглянулся.

– Как я сказал Доминику, после свадьбы вам не придется переезжать во второй раз. Но заверяю, что дверь между комнатами теперь заперта.

Не волнуйся она так сильно, Брук испытала бы облегчение.

– Вы точно знаете, что свадьба состоится?

Гейбриел не ответил.

– Одна из комнат в семейных покоях принадлежала его сестре, – вместо этого обронил он. – Но теперь она тоже заперта и так будет всегда. Еще одна из тех, что заперта, – это его старая комната...

– Но почему бы вам не показать мне все это вместо того, чтобы описывать? – с надеждой перебила Брук.

– Возможно, в другой раз. Он ждет.

Молодой человек снова зашагал вперед и открыл дверь, за которой царило неведомое. Брук глянула на другую дверь, в свою комнату, прикидывая, нельзя ли забаррикадироваться здесь. Но неужели ей хочется показаться трусихой? Но она и есть трусиха. Нет, сказала она себе. Требуется мужество, чтобы жить с такой семьей, как ее, а также искусство обмана, хитрость и умение избегать

сложных ситуаций. Но дома она знала, с чем именно ей придется иметь дело. Здесь же иначе. За этой дверью ее ждет неизвестно что. Ее поведение при первой встрече с Вулфом может повлиять на всю остальную жизнь. Первое впечатление очень важно. Она не хотела, чтобы ее считали трусихой. Если она останется. Пора выяснить, останется ли.

Брук, почтительно склонив голову, вошла в комнату. Какое-то движение слева привлекло ее внимание к мужчине, сидевшему в кресле. Он сонно тер глаза. При виде Брук он быстро встал и поклонился, пробормотав:

– Миледи...

Но тут она уловила движение справа. Еще один мужчина, средних лет, одетый более официально, похоже, дворецкий, вышел из другой комнаты и тоже почтительно поклонился:

– Миледи...

Его перебил третий голос, повелительно приказавший:

– Оставьте нас.

Брук, едва дыша, шагнула вперед, ближе к нише, откуда прозвучал последний голос. И сжалась, услышав стук закрывшейся двери. Она смутно поняла, откуда доносился голос лорда Вулфа, но никак не могла поднять голову, поэтому видела перед собой только изножье кровати.

Неожиданно к ней подбежал пес и стал обнюхивать туфли. Первым порывом было присесть на корточки, чтобы познакомиться ближе, но это выдало бы ее любовь к животным, а она пока не хотела, чтобы хозяин комнаты слишком много о ней знал. Пес был большим – около трех футов в высоту, с длинной мордой и короткой рыжевато-белой шерстью, светло-кремовой на шее и брюхе. Брук не поняла, какой он породы, но с такой мордой он наверняка мог быть по-волчьи.

Когда животное село у ее ног, она осмелилась спросить:

– Как его зовут?

- Вулф.

- Он не настоящий?..

- Нет. Несколько лет назад я нашел его на пустоши, он был совсем маленьким и полумертвым от голода. Он посчитал, что может откусить мне ногу. Мне понравилась его решимость не умирать, поэтому я принес его домой и накормил.

- Он воеет на пустошах?

- Не замечал. Значит, и до вас дошли слухи?

- Да, но я не придавала им значения.

- Подойдите.

Она замерла. Ничего не поделаешь, придется это сделать. И пока что они вели вполне нормальную беседу. Он может оказаться не таким холодным и мстительным, как она ожидала. Может, брат солгал и именно он затевал дуэли, в то время как лорд Вулф ни в чем не виноват. Вдруг она и виконт – лишь жертвы злобной природы Роберта?

Брук вынудила себя подойти ближе, но все еще не решалась взглянуть на него. Она знала, что когда взглянет, мгновенно поймет, какой он человек. Брук очень хорошо разбиралась в людях. Она так старалась оставаться для всех серой мышкой, что научилась мгновенно распознавать черты характера и слабые стороны окружающих.

Сейчас ее волновало то, что она до сих пор не увидела его ноги, а прошла она уже достаточно далеко. Наконец она их увидела. В изножье кровати. Одна была под простыней, а другая – очень большая голая нога – лежала поверх простыни. Он принимает ее, лежа в постели? Она не верила глазам своим. Это так неприлично! Брук не могла прийти в себя от унижения и молилась, чтобы по ее лицу ничего не было заметно.

Она подняла глаза и оглядела его лицо и тело. Ничего не поделать, ее щеки наверняка покраснелись. Вулф сидел в постели, опираясь на множество

подушек. И да, нога была совершенно обнажена! И грудь тоже! Простыня покрывала только его бедра! И Брук успела увидеть двух пиявок на правом бедре, что объясняло, почему он лежит в постели, открыв ногу.

Она слишком много увидела с первого взгляда, поэтому теперь не сводила глаз с его лица. Такого Брук определенно не ожидала. Он был красивее брата, а она раньше думала, что никто не может затмить Роберта в смысле внешности. Но этот человек поражал. Голые плечи, грудь, поросшая черными волосам, мощная шея и руки были просто невероятно мужественными.

Раньше она никогда не видела полуголых мужчин. Неужели ему обязательно быть таким мускулистым и сильным? Она и без того запугана! Не хватало еще теперь волноваться из-за его размеров! Она никогда не сможет обогнать такие длинные ноги и определенно никогда не сможет вырваться из таких стальных рук.

Но почему стычка с ним – единственное, что приходит на ум при виде такой массы мышц? Не потому ли, что он выглядит дикарем?

Все дело в его длинных, черных, очень неухоженных волосах. И хищных, светло-карих с золотыми искорками глазах. Янтарных. Такие должны быть у волка.

Брук едва сдержала истерический смешок. Но кто сможет упрекнуть ее за глупые фантазии? Изведенная собственными страхами и слухами о волках-оборотнях и проклятиях, она просто была не в себе, вот ее воображение и разыгралось.

– Брук Уитворт?

Она мысленно прогнала из постели волка и сосредоточилась на мужчине.

– Почему вы не уверены?

– У вас нет бородавок.

– Не замечала у себя на лице ничего подобного.

- Гейб упомянул...

- Разве? Как ему не стыдно?! Он часто подшучивает над вами таким образом?

- К сожалению, да.

Она улыбнулась. Мысленно.

- Должно быть, вы против этого не возражаете, если до сих пор его не уволили.

- К несчастью, мы были друзьями с самого детства и он этим пользуется.

- Странный способ описывать старого друга... как несчастье, посланное на вашу голову, - заметила она.

- Возможно, он единственный, кто будет плакать, когда меня не станет. Вот я и жалею об этом.

Как печально это слышать... словно он просит у нее сочувствия. Или просто пытается проверить, способна ли она на него.

Но когда на его лице появилось замкнутое выражение, она решила, что ошиблась. Он скорее всего не собирался открываться перед ней, поэтому Брук поспешно спросила:

- Вы ранены?

- Подарок от вашего брата, который отказывается заживать.

Он произнес слово «брат» с таким омерзением, словно тот был самым отвратительным существом на свете. У них действительно было нечто общее! Но она не хотела говорить о своих чувствах к Роберту.

- Думаю, очевидно, куда он целился.

Грубый джентльмен? Скорее, вообще не джентльмен. Или пытается ее шокировать. Последнее более вероятно, но не сработает. Хотя... длинная голая нога ее шокировала. Голая грудь – тоже. А вот старания брата сделать все, чтобы на свет больше не рождались Вулфы, – не шокировали. Но не это цель Роберта. Роберт стремился убить.

Поэтому Брук покачала головой:

– Я не согласна. Очевидно, он умеет стрелять из пистолета не лучше, чем вы.

Слишком поздно она сообразила, что только что его оскорбила и поэтому удивилась, когда он признал:

– По природе я не дуэлянт.

– Жаль. Будь у вас больше опыта, смогли бы избавить нас обоих от этого...

Она не договорила. Не стоит объяснять, что она не хочет этого брака. Не стоит откровенничать с этим человеком.

Но он все понял и сухо спросил:

– Нежеланного брака?

Брук могла бы солгать, но предпочла просто не ответить. На самом деле она имела в виду упущенную лордом возможность избавить их обоих от Роберта, но какой смысл объяснять? Он все равно подумает о ней самое худшее только потому, что она Уитворт, сестра человека, которого он трижды пытался убить.

Но Брук не смогла сдержать любопытства:

– Почему вы не тренировались? Разве это не логично: сначала потренироваться, а уж потом бросать вызов?

– Ярость не ведает логики.

Что же, для подобных ему людей так и есть, но... ладно, он прав.

– А вы достаточно взрослая, чтобы выйти замуж? – спросил он так неожиданно, что Брук снова подняла на него глаза. Похоже, он успешно сдерживал гнев, но полностью в этом уверенной она не была. Она никак не могла понять этого человека. За время их разговора Брук узнала только, что он легко впадает в бешенство, легко может оскорбить и что он не слишком дружелюбный человек, во всяком случае, когда она вошла в его спальню, он ей не улыбнулся. Возможно, он вообще никогда не улыбается. Но если он готов быть вежливым, значит, готова и она.

– Не думаю, что это имеет какое-то значение, особенно для принца-регента, требующего, чтобы наши семьи породнились. Но могу вас успокоить: через несколько недель мне исполнится восемнадцать.

– И что избалованная дочь графа, да еще такая молодая, может знать о браке?

– Я понимаю, чего от меня ожидают, – слегка напряглась Брук.

– Разве? Весьма сомневаюсь. Ваша голова, должно быть, полна ложных истин, но как может быть иначе, когда большая часть людей зачинает детей, даже не сняв ночных сорочек?

Рот Брук сам собой открылся. Она быстро его захлопнула.

И тут Вулф добавил:

– Подойдите ближе.

Она не шевельнулась. И так между ней и кроватью всего два фута. А он полуголый. Они еще не женаты, и он не добьется от нее благосклонности.

– По вашему поведению уже видно, что вы не знаете главного закона супружеской жизни или ваша мать забыла упомянуть о том, что прежде всего жена должна повиноваться мужу.

Брук знала это правило, но также знала, что без элементарного взаимного уважения и преданности брак может стать пыткой. Для нее. Но что он задумал, черт возьми? Пытается увериться, что она будет послушной женой? Или желает убедиться, что она знает о том, что роль его послушной жены не может быть приятной?

Она шагнула вперед, прежде чем он успел повторить требование. Но Вулф просто выжидающе смотрел на нее. И она поняла, что он хочет большего. «Решай, что дальше!» Дать понять, что он блефует? Подчиниться? Напомнить ему... нет, она должна выйти за него, иначе ее семья потеряет земли и титул.

Следующий шаг привел Брук к краю кровати. Вулф протянул руку, обнял ее за талию и привлек ближе. Это было так внезапно, что она едва не распостерлась на его груди. Но вовремя опомнилась и уперлась ладонью в изголовье кровати над его плечом. Но он по-прежнему притягивал ее к себе с такой силой, что она не могла сопротивляться. Вулф завладел ее губами, его тяжелая рука на спине мешала ей встать.

Он целует ее! Гнев, охвативший обоих, весьма напоминал страсть. Да это и была страсть! Обещание того, что ждет ее в его постели, если он женится. Обещание того, что между ними не будет одежды. Объяснение, что он человек чувственный, который берет все, что хочет, и там, где хочет.

Ее сердце билось неестественно громко и быстро. Голова шла кругом от ласки его настойчивого языка, от ощущения щетины, коловшей верхнюю губу, пальцев на шее, вызывавших дрожь, запаха виски в его дыхании. Ей было совсем не противно. Наоборот, тянуло к запретному.

Но как только он отнял руку и прервал поцелуй, Брук тут же отступила. Наверное, ему наскучил урок. И она не сомневалась, что это так.

Он подтвердил это, сказав:

– Чего-то подобного вам и следует ожидать.

Ей хотелось удрать, но она не двинулась с места, зная, что сделает с ней отец, если она откажется выйти за лорда Вулфа.

Заправив выбившуюся прядь волос в прическу, Брук, чтобы успокоиться, глубоко вздохнула и вдруг заметила на столике рядом с кроватью бокал и бутылку шотландского виски. Волк пьет днем? Это не к добру. Или он пьет, чтобы заглушить боль?

- Вам больно? - выпалила она.

- Почему вы все еще здесь? - рявкнул он, щуря янтарные глаза. - Вам есть до этого дело?

- Если вы пьяница, тогда есть.

- В таком случае да, я пьяница.

Она прищелкнула языком. Неужели эта встреча так и пройдет в противоборстве? Но когда он спросил, сколько ей лет, они разговаривали как нормальные люди.

- Я сказала, когда у меня день рождения, - попыталась вернуться к прежнему тону Брук. - А у вас?

- Был на прошлой неделе.

- Так вам только исполнилось двадцать пять? Ожидаете смерти в следующие двенадцать месяцев?

- Или, благодаря вашему брату, через несколько дней. Если рана еще больше воспалится. Но как вы узнали о проклятии?

- Прошлой ночью в гостинице мы слышали немало сплетен.

- И это вас не отпугнуло?

- Нет, поскольку я не верю в подобные вещи.

- Жаль.

- Простите? - насторожилась Брук.

- Вы сестра человека, виновного в смерти моей сестры. Вы никогда не найдете здесь радушного приема.

Господи, что натворил Роберт?!

Только через несколько секунд Брук осознала, как сильно ненавидит ее этот человек. Еще бы не ненавидел, если Роберт убил его сестру!

- Что он сделал? - коротко спросила она.

- Не делайте вид, будто не знаете! - В его глазах пылала самая настоящая ярость.

Брук не знала, как себя вести. Если здесь никто не хочет ее принять, означает ли это, что он не собирается жениться? Почему же тогда согласился увидеть ее? И почему пытался шокировать этим поцелуем?

- Следует ли мне покинуть Россдейл?

- Да.

Она ахнула и повернулась к двери. Успей она выйти, не услышала бы, как он добавил:

- Если таков ваш выбор.

Брук замерла.

- Вы прекрасно понимаете, что у меня нет выбора, - с горечью произнесла она.

- Как и у меня, - прорычал он.

Глава 12

Тем временем Алфрида прошла в дальний конец верхнего коридора, где, прижав ухо к двери лорда Вулфа, стоял Гейбриел. Она хотела последовать его примеру, но он отошел от двери, громко прошептав:

– Подождите! По-моему, сейчас она вылетит в коридор!

– Все так плохо? – нахмурилась женщина.

– Боюсь, что так.

Поскольку через несколько минут дверь так и не открылась, оба, стоя лицом к лицу, снова прижали к ней уши. Гейбриел ухмылялся и можно было подумать, что подслушивание господина давно вошло у него в привычку. Алфриду волновала только Брук, и она бы вошла в комнату без разрешения, если бы решила, что та нуждается в помощи, поэтому веселость Гейбриела ее раздражала.

Она вовсе не собиралась участвовать в интригах, особенно в компании с этим нахальным парнем. Ей даже подслушивать вместе с ним было противно.

Брук никак не могла собраться с мыслями. Она понимала ярость лорда Вулфа. После отъезда посланника ее отец был взбешен так же. Властные мужчины терпеть не могут, когда им отдает приказы кто-то более могущественный. Но почему она должна быть объектом этой ярости, если ничем ее не вызвала? Во всем виноват Роберт!

«Вы сестра человека, виновного в смерти моей сестры...»

Брук не сомневалась, что брат способен на любую подлость. Но убийство! «Виноват» может означать все, что угодно. Но она больше не может спрашивать волка, особенно учитывая то, как он отреагировал на упоминание об этой теме. Он вполне способен встать с кровати и потребовать возмездия, а потом убить ее. Она не знала его и понятия не имела, на что он способен, а он, очевидно, не позволит ей это выяснить.

Брук не ушла из комнаты. Она все еще была зла на Вулфа за его грубость, зла достаточно, чтобы вернуться к его кровати. Он, вне всякого сомнения, воображает, что только что отпугнул ее и выгнал из дома. Черта с два!

Но он не выглядел разочарованным. Хотя его приподнятая бровь говорила яснее любых слов. Он ждал борьбы? Скандала? Надеялся на это? Или ему просто любопытно, почему она не сбежала?

Глядя на лежавшего перед ней полуголого виконта, Брук подумала: как хорошо, что ее вырастила простая женщина Алфрида, а не истинная леди. Иначе вид полуряддетого лорда смутил бы ее куда больше.

Брук заметила, что лоб у него вспотел. Хотя лето уже началось, еще не было настолько жарко, чтобы так потеть. Должно быть, у него жар из-за инфекции, о которой он упомянул.

Она подступила ближе к кровати и всмотрелась в рану на правом бедре, желая проверить, воспалена ли она.

– Вид пиявок вас не волнует? – наблюдая за ней, спросил Вулф.

– У меня не вызывает отвращения то, что помогает исцелиться.

Брук знала травы, которые могут вытянуть яд из раны быстрее и надежнее, чем пиявки, но ничего не сказала.

– Можно? – вдруг спросила она и, не дожидаясь ответа, осторожно прижала палец к плоти возле швов, желая проверить, не вытечет ли из раны желтая жидкость. До нее не сразу дошло, что ей вовсе не следовало его касаться, что это явное нарушение этикета.

Брук почувствовала, как вспыхнули щеки, но усилием воли согнала с них краску, напомнив себе, что этот человек нарушил пару куда более важных правил, настояв, чтобы она вошла в комнату, где он лежал полуголый. Да еще и поцеловал ее!

– Швы выглядят только что наложенными, – заметила она.

– Откуда вы знаете?

Теперь насторожился он. Очевидно, Вулф не желал ее помощи. И на то у него была причина. Но Брук не собиралась объяснять ему, что ненавидит Роберта едва ли не сильнее, чем он, и что ей доставит извращенное удовольствие излечить его смертельного врага. Волк никак ей не поможет, если умрет сейчас. А вот если сделает это после свадьбы... Будь проклят Роберт, внушивший ей эту мысль!

– Швы еще кровоточат и дело не в пиявках, – ответила она, не сводя глаз с раны. – Думаю, вы не выполняете наставлений доктора.

– Это вы виноваты в том, что сегодня пришлось вновь накладывать швы!

Правда? Он намерен винить ее и в этом? Только потому, что был слишком упрямым, чтобы оставаться в кровати и дать ноге время зажить?

Брук по-прежнему отказывалась встретиться с ним глазами, боясь, что он снова заморозит ее или запугает так, что она сбежит.

– Прекрасно! – сказала она. – Рана вновь открылась, и гной вытек, что излечит инфекцию быстрее любых пиявок.

– Откуда вам знать? – повторил он.

Как ответить, не выдав себя? Уклончиво!

– В Лестершире это известно всем. И есть другие способы снять воспаление, причем сделать это гораздо быстрее.

– Женщина-доктор? Поражен, что вы нашли школу, где согласились вас учить.

Брук расслышала сарказм. Но он прав. Ни одна медицинская школа ее не примет. Зато ее учила Алфрида. Брук не позволит инфекции распространиться. Она сможет этому помешать, и не важно, сколько страданий ей придется вынести потом.

– Сознаете ли вы, что вам грозит опасность потерять ногу, если инфекция распространится? Ваши пиявки посажены недостаточно близко к ране, чтобы принести пользу, и они высосут больше здоровой крови, чем больной.

– Вы не доктор, – фыркнул он, – так что не думайте, будто я поверю, что вы знаете, о чем говорите. Доктор Бейтс предупредил бы меня, если бы мне грозило нечто подобное. Через несколько дней он вернется и докажет, что вы ошибаетесь.

Рассуждения Вулфа с его, вернее вообще с мужской, точки зрения были верны. Как большинство представителей сильного пола, он был абсолютно уверен, что женщина не может знать больше мужчины. Ни в какой области.

Поэтому Брук, пожав плечами, отошла.

– Вы, разумеется, делайте, как угодно. Но если передумаете, моя горничная Алфрида, обладающая большими знаниями о травах, наверняка вас излечит, если я смогу убедить ее помочь.

– Убедить? – фыркнул он. – Она горничная. Стоит отдать приказ...

– Я не собираюсь ей приказывать. Она растила меня. С той недели, когда я родилась, она была мне матерью. Больше, чем моя собственная. Я не обращаюсь с ней как со служанкой и не собираюсь делать этого впредь. Она помогает только людям, которым не по карману настоящий доктор, а это означает, что ни лорды, ни леди помощи от нее не дождутся. Разве что она до них снизойдет. Поэтому, как было сказано, я могла бы попытаться убедить ее посмотреть вашу рану, но вдруг она не захочет нарушить свое правило.

– Значит, она целительница, причем необычная? – уточнил Вулф.

Брук не ответила. Она не собиралась выдавать секреты Алфриды. Ей вообще не следовало ничего предлагать. Он, возможно, проживет еще несколько дней, но не больше.

Но ее молчание его подстегнуло.

– Я знаю о существовании целителей-самоучек, передающих знания от одного поколения другому, они лечат людей там, где нет докторов. Несмотря на то что мы живем на далеком севере, нам повезло иметь хотя бы одного живущего поблизости доктора. Но почему ваша горничная не желает помогать аристократам?

Брук и в самом деле выдала слишком много! Должно быть, близость к нему затуманила ей голову. Но тут Вулф добавил то, отчего она побледнела:

– Она ведьма?

– Что за вздор! Ведьм не бывает!

– Конечно, бывают! Ведьма прокляла мою семью.

Он верил в то, что проклят!

Брук была потрясена. Вулф – образованный человек, не так ли? Мог ли он позволить себе поддаться суевериям?

Но тут до нее дошло, что он может всего лишь попытаться воспользоваться проклятием, как еще одним средством, чтобы заставить ее бежать. Должно быть, он считает, что если объявит, будто верит в проклятие, она тоже сразу в него поверит. Ха! Она не попадется на подобную удочку!

Но Вулф больше ничего не сказал о фамильном проклятии. Только закрыл глаза. Очевидно, те малые силы, которые у него еще оставались, были истощены. Им рано было встречаться. Ему следовало подождать, пока не пройдут лихорадка и боль.

– Если надеетесь дожить до возвращения доктора, вам следует больше отдыхать, – деловито заявила Брук и повернулась к двери.

– Можете попросить горничную, – прошептал он, открывая глаза. – Но почему вы вообще хотите мне помочь?

Не ожидавшая такой просьбы, Брук оглянулась.

– Потому что вы будете моим мужем.

Он зарычал. Брук вскинула брови, молча ожидая, что он первым откажется от требования регента.

– Воображаете, будто исцелив меня, заставите вас полюбить? – догадался он.

– Вовсе нет. Я уверена, что вы найдете много других причин полюбить меня.

Ответ, похоже, ему не понравился, потому что лицо его помрачнело.

– Ошибаетесь, Брук Уитворт. Я недоволен тем, что пришлось впустить вас в мой дом, да и вы должны чувствовать себя здесь незваной гостьей.

Она гордо выпрямилась. Подумать только, она была к нему добра и сердечна и даже пыталась помочь!

– Тогда прикажите мне убраться.

Вулф не стал этого делать. Ну, разумеется! Он уже ясно дал понять, что хочет, чтобы она ему первая отказала.

– Как я и думала, – с горечью вздохнула Брук. – Вы не можете избавиться от меня, как и я – от вас, как бы мы оба все это ни ненавидели.

Глава 13

Брук была слишком расстроена, чтобы заметить, что в группе людей, ожидавших у двери виконта, стояла и Алфрида. Она отвернулась от них и побежала по узкому коридору к башне, куда раньше приводил ее Гейбриел. Подошла к темной лестнице, взглянула наверх и увидела только слабый свет, льющийся откуда-то с потолка. Но все равно начала подниматься. Желала своими глазами увидеть комнату, в которую хотел поселить ее волк. Добравшись до самого верха, Брук от неожиданности опешила. В круглой башенной комнате не было

ничего, кроме паутины. Пустота.

Окна маленькие и узкие, почти не пропускающие солнечные лучи. Это не спальня, скорее мрачная тюремная камера.

– Да уж, – покачала головой Алфрида, заглядывая через плечо Брук. – Теперь мы знаем.

– Мы должны поблагодарить Гейбриела за то, что он не позволил мне сегодня ночевать на полу.

– Поблаговаришь не ты. Я найду способ... если он прекратит меня раздражать.

Брук обернулась и обняла Алфриду, потому что нуждалась в утешении. Она не хотела оставаться в этом доме. Не хотела снова спорить с Домиником Вулфом. Даже с больным и раненым: уж очень быстро он раздражался.

– Если он не настоящий волк, все будет хорошо, – сказала Алфрида, нежно глядя ее по спине.

Поскольку никто из них не верил, что он настоящий волк, Брук знала, что Алфрида хочет ее ободрить. Она ценила усилия горничной, но понимала, что Алфрида зря старается.

По пути в поместье лорда Россдейла Брук цеплялась за слабую надежду на то, что если Вулф сразу не откажется на ней жениться, рано или поздно они смогут поладить. Теперь надежда рухнула, потому что она поняла, насколько глубока его ненависть ко всей ее семье.

Такая жуткая мысль и такое разочарование! Повстречайся они с Вулфом при других обстоятельствах, он мог бы ей понравиться. Он молод, красив, богат. И тогда их ждал бы совершенно иной исход. Возможно, даже ухаживание, если бы ее семья это одобрила. Нет, это вряд ли случилось бы, ведь он всего лишь виконт. Отец метил бы выше – не ради нее, но ради себя. Впрочем, какая разница, если Доминик презирал ее и был полон решимости заставить ее презирать его. Он ясно дал это понять.

Решив как можно скорее покинуть эту жуткую комнату, Брук направилась к лестнице.

- Волк ненавидит меня, – призналась она. – Хочет, чтобы я сбежала.

- Мы так и предполагали, – напомнила Алфрида.

- Знаю. Нелогично надеяться на то, что он с первого взгляда меня полюбит, а не возненавидит за то, что я сестра Роберта.

- Нет, просто оптимистично. Но если сбежишь, сама знаешь, что ждет тебя дома.

- Если сбегу, у моих родителей не будет дома.

- В таком случае нужно помнить, что бывают браки, по сути не являющиеся браками.

- Нужно притвориться?

Алфрида остановилась у подножья лестницы и пояснила:

- Возможно, пока слишком рано об этом говорить, но я имею в виду взаимное соглашение не спать в одной постели. Ты удивишься, узнав, сколько таких соглашений заключалось на протяжении веков, когда семьи, особенно благородные, роднились по причинам, не имеющим ничего общего с любовью и взаимным уважением, зато имеющим самое прямое отношение к земле, могуществу или богатству. Конечно, прежде всего необходим наследник, но как только эта цель бывает достигнута, муж и жена идут разными дорогами, даже живут каждый в своем доме, если сумеют достичь такого соглашения.

Брук подумала, что все это звучит невероятно многообещающе, но все же спросила:

- Это правда или ты просто пытаешься меня утешить?

- А утешить получилось?

– Значит, неправда.

– Чистая правда. Ты очень мало знаешь о светском обществе, потому что твои родители ездили в Лондон без тебя. Но моя мать работала в Лондоне до моего рождения, а потом вернулась в деревню. Она знала множество сплетен о жизни в большом городе и часто развлекала меня историями, случавшимися в богатых домах.

– Но если супруги ненавидят друг друга, зачем им такое соглашение?

– Муж все равно будет поступать так, как ему угодно, и ему будут безразличны чувства жены, если только он не опасается ее семьи.

Что же, это была очень мимолетная надежда. Она не прожила и одной минуты.

– Волк не боится моей семьи, – вздохнула Брук. – Скорее наоборот. Не удивлюсь, если из-за того, что сотворил мой брат, он захочет убить нас всех.

– Мы знаем, что он сотворил?

– Вулф сказал только, что винит Роберта в смерти своей сестры. Он так рассердился, когда я попыталась вытянуть из него что-нибудь еще!

– Это веская причина для дуэли, но еще более веская причина для ареста или казни твоего брата. Интересно, почему лорд Вулф не обратился к властям?

– Потому что хочет сам прикончить Роберта. Именно об этом говорят частые дуэли.

– Возможно, – кивнула Алфрида. – Мы можем выяснить, что случилось, расспросив слуг.

– Я спрашивала Гейбриела, но он ответил, что мне следует спросить Доминика. У меня такое ощущение, что никто здесь не желает об этом говорить.

– С тобой? Может быть. Но слуги развязывают языки в присутствии других слуг. Позволь мне попытаться, – предложила Алфрида и тут же спросила: – Так ты

решила быть с ним собой?

- Я не собиралась, но он так меня рассердил, что боюсь, я не смогла скрыть свои истинные чувства.

- Должно быть, он спровоцировал тебя.

- Причем явно намеренно.

- Да, но это не слишком много рассказало о тебе, куколка, не так ли? Он не узнал, как легко тебя рассмешить, что ты не злобный человек и не станешь мстить, даже если месть будет оправданна, что несмотря на то, в какой семье ты родилась, у тебя доброе и чистое сердце.

- Предложение заключить фальшивый брак скорее всего его рассмешит, - вздохнула Брук. - Он будет мужем, который станет делать все, что пожелает, и который совершенно не будет принимать во внимание мои чувства. Кроме того, он вообще не хочет на мне жениться, что и дал понять. Все, о чем он мечтает, - мой добровольный отъезд, а это невозможно.

- Может, тебе нужно любовное зелье?

Брук изумленно моргнула и подавилась смешком.

- Такого просто не бывает.

- И все же есть травы, - а у меня имеется их запас, - который разбудит... Видишь ли, деревенские жители называют отвар, который я делаю из этих трав, любовным зельем. Потому что он вызывает желание, которое люди иногда равняют с любовью. Но если волк вдруг захочет уложить тебя в постель, возможно, он станет более благосклонно относиться к женьтибе и всему, что с ней связано.

- Он уже поцеловал меня, - призналась Брук.

- Правда?

– Но это всего лишь был один из пунктов плана, как меня отпугнуть, – пояснила она. – И он очень рассердился, когда ничего не вышло.

Алфрида подняла брови:

– Превосходное начало, куколка!

– Для меня. Не для него. Он определенно мне не противен. Я вовсе не возражала бы против такого мужа... если бы он не питал ко мне ненависти.

– Ты встретила с ним только что. Мы пробыли здесь всего несколько часов. Ненависть со временем исчезнет.

– Это вовсе необязательно, Фрида. И нет, мы не дадим ему одно из тех зелий, о которых ты упоминала. В нем слишком много ярости, чтобы я хотела увидеть его желание. Боюсь, что его страсть будет напоминать ненависть, и тогда все может оказаться крайне неприятным.

– Мы просто будем иметь это в виду, как последнюю надежду, – подмигнула Алфрида.

Брук подняла глаза к небу, но тут же вспомнила о ране Доминика.

– Кстати, о твоих травах: не согласишься ли взглянуть на его рану, которую нанес Роберт? Она не заживает, и его одолевают жар и лихорадка.

– Если уж жалеешь каждую больную собаку, ладно, но сострадание к волку вовсе не обязательно, – фыркнула Алфрида.

– Сострадание – последнее чувство, которое я к нему испытываю, – возразила Брук.

– Почему же ты хочешь ему помочь?

– Потому что в этом случае он будет общаться со мной более спокойно и перестанет видеть Роберта каждый раз, когда смотрит на меня.

– Что ж, сначала мы должны пообедать. Чтобы дать ему немного времени вспомнить твой прелестный облик и понять, какое одолжение сделал ему принц-регент, – решила Алфрида и, обняв Брук за талию, повела ее по коридору. – Кроме того, не стоит так спешить его вылечить после того оскорбления, что он тебе нанес.

– Ты подслушивала у двери! – воскликнула Брук.

Алфрида ничего не ответила, только кивнула в сторону башни.

– Я говорю о комнате, из которой мы только что ушли. Это оскорбление, куколка, причем самое страшное.

С этим Брук была согласна.

– Обед – идея неплохая, – храбро улыбнулась она. – Думаю, за какие-то пару часов ему хуже не станет.

Глава 14

Кухню Брук и Алфрида нашли в западном крыле дома. Там суетились двое мужчин и четыре женщины, а также два юных поваренка. Двое Бискейнов, трое Коттериллов, один Джекман и еще двое, не принадлежавших к вышеперечисленным, работающим несколько столетий в большом доме. Но гости всего этого не знали, пока Алфрида не разозлилась при виде принесенного в столовую обеда.

Брук уныло смотрела в тарелку. Очевидно, это очередной пункт замысла волка, как заставить ее убраться. Когда перед каждой поставили тарелку с тонкими, подгоревшими тостами и ничем больше, Алфрида буквально взбесилась. И ни кусочка масла!

– Иди за мной, – велела Алфрида и направилась прямо на кухню.

Брук была согласна, что после того, как плохо с ними обошлись, нужно что-то предпринять, но не ожидала, что Алфрида станет бороться с наглецами именно таким методом. Прежде всего она потребовала, чтобы слуги представились. Они нехотя назвали свои имена и должности и нервно уставились на Брук. Возможно, они не привыкли, чтобы леди спускались в их владения, но она еще больше озадачила их, усевшись за кухонный стол. Они не знали, что Брук привыкла есть на кухне.

Кухарка Марша Бискейн – приземистая блондинка с говорящими о ее добродушном характере лучиками морщинок в уголках глаз – была гораздо старше второй женщины. К сожалению, сейчас ее вид был далеко не дружелюбным. Она стояла, поджав губы, с оскорбленным выражением лица. Очевидно, присутствие Брук и Алфриды совсем ей не нравилось.

Алфрида бесцеремонно ткнула в нее пальцем:

– Ты будешь обслуживать нас как полагается, если не хочешь ходить вся в прыщах и бородавках!

Брук едва сдержала смех при виде того, как испугались слуги. Но запугивать слуг – это не слишком хорошая идея, особенно если она все-таки выйдет за Доминика.

Поэтому Брук утешила Маршу:

– Алфрида шутит.

– Что-то не похоже.

– У нее немного странное чувство юмора, – прежде чем броситься в бой, заверила Брук. – Вы, конечно, знаете, что я выхожу замуж за вашего лорда и со временем обязана родить ему детей. И для этого я должна быть в добром здравии. Так что вам либо придется согласиться с тем, что он приказал кормить нас объедками не всерьез, либо освободить кухню, чтобы мы сами приготовили себе обед.

– И вам не мешает также помнить, что как только леди Уитворт выйдет замуж за лорда Вулфа, – добавила Алфрида, тоже садясь, – она станет здесь полноправной хозяйкой. И если вам нравится ваша работа, может, вы согласитесь с тем, что из-за лихорадки лорд Вулф не совсем понимал, какие именно приказы относительно миледи он отдает.

Последовало абсолютное молчание. Возможно, Растон зря выбрал именно этот момент, чтобы появиться на кухне и прыгнуть Алфриде на колени. А возможно, и не зря.

– Ведьма, – послышался шепоток со всех сторон.

Кухарка поспешно наполнила две тарелки и поставила их на стол.

Неужели все слуги такие суеверные? Вероятно. Но Брук не хотела, чтобы с ней и Алфридой обращались как с париями, особенно если они будут жить в этом доме. Поэтому было необходимо как-то успокоить слуг.

Сначала она прибегла к обычной вежливости:

– Мне было очень грустно услышать о смерти сестры лорда Вулфа. Когда она умерла?

– Почти два года назад и... и... – Девушка по имени Джейни смахнула с глаз слезы, а затем почти рассерженно продолжила: – Мы не говорим о смерти леди Элоизы. Лучше расспросите о той печальной истории его светлость.

Странно. Почему никто не говорит о смерти Элоизы? Но настаивать она не стала. Может, слуги не знают всех обстоятельств?

Но Брук хотела бы знать, почему волк так долго ждал, чтобы вызвать ее брата на дуэль, если его сестра умерла почти два года назад.

Алфрида была вполне довольна новым обедом и, казалось, немного расслабилась. Возможно, решив убедить слуг, что она не ведьма, она поблагодарила всех за еду и даже развлекла забавными историями о Лестершире.

Первой немного потеплела Марша, по крайней мере, она перестала держаться так официально и сухо и даже улыбнулась Брук. Благодаря своему высокому положению, она привыкла чаще общаться с хозяевами, чем остальные слуги. Когда Брук похвалила ее пастуший пирог, Марша казалась очень довольной, и она даже рассмеялась, когда девушка рассказала историю о своих ночных приключениях и попытках свести кобылу с отцовским жеребцом. Жаль, что четырнадцатилетняя девочка тогда струсилась и отказалась от своей затеи.

Оказалось, что Марша – мать Гейбриела и тетка Джейни. Как только повариха освоилась, Брук поняла, от кого Гейбриел унаследовал свой веселый нрав.

Прежде чем Брук и Алфрида ушли из кухни, Марша сказала своей племяннице:

– Иди и сообщи его светлости, что я покормила его детей.

– Но у него нет детей, – растерялась Джейни.

– Когда-нибудь обязательно будут, и он поймет. Просто скажи ему.

Брук спрятала ухмылку. Марша могла скрыть, что покормила их вкусным обедом, но очевидно, она не боялась волка. Да и Алфриду тоже не боялась, так что Брук достигла, по крайней мере, одной цели.

Когда они вернулись наверх, Гейбриел все еще ждал у двери лорда Вулфа.

– Лорд зол на меня, – проворчал он. – Не пускает в спальню. Но теперь, когда вы здесь, можете его отвлечь, чтобы он снова меня не вышвырнул.

– Так он спит? – предположила Алфрида.

– Сомневаюсь. Он слишком упрям, чтобы просто отдыхать. Его и в постели с трудом удержишь. Прошу прощения, леди, но это очень трудно.

Предположение Гейбриела, что Доминик бодрствует, могло оказаться верным, и никто не хотел открывать дверь, поэтому Брук взяла это на себя. Она вошла в комнату.

- Да она еще и храбрая, - услышала она шепот Гейбриела за спиной.

До чего неприятно знать, что даже друг Доминика его опасается! Когда она заглянула в нишу, оказалось, что волк не спит. Он мгновенно поднял на нее глаза и прищурился. Но она упорно подвела свою маленькую группу к его кровати.

- Моя компаньонка, - произнесла Брук, подчеркнув слово «компаньонка». - Алфрида Уичвей.

- И у вас ушло столько времени, чтобы ее убедить? - спросил Доминик.

Она не сразу поняла, что раз он дал ей разрешение привести Алфриду, он ожидал, что они придут немедленно.

Придется признать свою вину.

- Нет. Я хотела пообедать.

- Так вы заставили меня ждать из-за такого пустяка? - проворчал он.

Алфрида покачала головой.

- Она ничего ужасного не сделала, - вовсе не утешительным тоном заявила она. - Просто во время обеда уговаривала меня. И я еще не убеждена. Но все же, с вашего позволения, взгляну на рану.

Ему только что выказали явную неприязнь, но он, как ни странно, ничего не ответил. Только слегка кивнул. Брук предположила, что сдавшись на милость врагов, он считает себя униженным. Должно быть, он чувствует себя так же плохо, как выглядит. И, возможно, боится потерять ногу, поэтому все же их помощь лучше, чем ничего.

Алфриде достаточно было взглянуть на воспаленную рану, чтобы сказать:

- Весьма серьезная инфекция, лорд Вулф. Ваш организм яростно с ней борется, отсюда и жар, и вполне возможно, для вас это все равно, что пребывать в аду.

Он не подтвердил ее слов. Только спросил:

– Значит, вы целительница?

– Я никогда не называю себя целительницей. Просто, как многие женщины, выросшие в глухих деревнях, знакома со способами лечения, известными еще с древних времен. Можете следовать указаниям доктора и продолжать рекомендованное им лечение, или же я попробую найти траву, которая окажет то же действие, только быстрее.

Брук понимала, что Алфрида не хочет, чтобы жители Россдейла знали об их запасах трав, ведь эти травы могут понадобиться в случаях серьезных болезней. Вот почему Алфрида не захватила с собой саквояж с мазями, настоями, инструментами, травами и черенками растений. Чем меньше знают о ее целительских способностях, тем лучше.

– И такая трава здесь растет? – спросил Доминик.

Алфрида не сочла нужным ответить, поэтому Брук поспешно вмешалась:

– Я привезла кое-какие травы из Лестершира. Возможно, одна из них окажется той, что нужна Алфриде.

– Это нужно снять, – деловито добавила горничная, показав на пиявок. – Или можно подождать, пока они отпадут сами. Если вас и раньше лечили пиявками, вы знаете, что они оставляют крошечные ранки, которые будут кровоточить. И станут чесаться, пока не заживут. Только не чешитесь, иначе можете занести новую заразу.

– Перестаньте обращаться со мной как с ребенком! – взорвался Доминик и провел рукой по бедру, чтобы снять пиявок.

При виде такого нетерпения глаза Брук вспыхнули. Вместе с пиявками он сбросил руку Алфриды. Теперь рядом с ним на постели извивались черные комочки.

– Это, милорд, было очень... вредно... для вас. Иногда...

– Если вы снова оскорбите меня...

Волк не закончил. Но было абсолютно ясно, что он угрожает. Брук была поражена тем, что Алфрида еще не поспешила к двери. Каким образом она его оскорбила? Тем, что не пришла ему на помощь? Дав ему добрый совет, который он должен был понять? Возможно, он, как и Брук, предположил, что Алфрида едва не сказала «глупо» вместо «вредно»? Или его мысли путает лихорадка?

Вполне возможно. И, вероятно, его грубость была вызвана жаром и тяжелым состоянием. Впрочем, может, ей просто хотелось, чтобы было так.

Если кто-то и был оскорблен, так это Алфрида. Брук подумывала увести ее, предоставив волка судьбе. Если бы только она могла! Если бы только имела силы выступить против всех, включая принца-регента! Но она все еще находилась под опекой родителей, а они швырнули ее волку. Обида и гнев были сейчас неуместны, потому что она не может позволить себе покинуть это место. Придется по-прежнему общаться с Домиником Вулфом, и если он будет ей чем-либо обязан, их общение значительно облегчится.

Но все-таки Брук была достаточно сердита, чтобы сказать Алфриде:

– Думаю, чем меньше времени мы здесь проведем, тем лучше.

Она произнесла это намеренно, чтобы он забыл об Алфриде и направил гнев на нее. Может, хоть это побудит его выкинуть ее из дома. Если он намерен совершить столь дорогостоящую ошибку, пусть совершит ее в гневе. Но Брук не услышала слов, которые ее бы освободили. Больше того, он даже не взглянул в ее сторону. Он по-прежнему сверлил злобным взглядом Алфриду.

Но к ее удивлению, Алфрида все еще собиралась ему помочь.

– Плохо, что ваш доктор не владеет иглой лучше, – сказала она. – Теперь после того, как рана заживет, останется уродливый шрам. Мы могли бы сделать это куда аккуратнее.

– Вы или она? – спросил Доминик.

– Я, милорд.

– Тогда так и говорите «я», черт побери!

Алфрида поджала губы и отступила.

– Я не ваша горничная. Я горничная леди Уитворт. Не слишком ли много вы на себя берете?

– Вы в самом деле намерены спорить со мной? – мрачно осведомился он.

– Я не спорю. Просто констатирую факт, – настаивала Алфрида.

– Осторожно, девушка. Это я буду платить вам жалованье.

– Буду очень рада, но это необязательно. Леди Уитворт мне дорога. Я буду служить ей с жалованьем или без.

С каждым сказанным словом Алфрида раздражала его все больше. Брук видела это по его разъяренному лицу. Наконец он прорычал:

– Думаю, вам следует держаться от меня подальше.

Алфрида немедленно последовала его совету. Брук, онемев, наблюдала, как ее дражайшая подруга покидает комнату. А когда перевела взгляд на неблагодарного негодяя, ее светло-зеленые глаза пылали гневом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Rebel – мятежный, непокорный (англ.). – Примеч. ред.

Купить: <https://telnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/ocharuy-menya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)